

Вячеслав Сукачев

Роман

Крис и Карма

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Сукачев

Крис и Карма. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Сукачев В.

Крис и Карма. Книга вторая / В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-98423-3

Роман В. Сукачева можно смело отнести к списку таких произведений, как "Мастер и Маргарита" М. Булгакова или "Альтист Данилов" В. Орлова. Жанр мистического реализма - один из наиболее сложных и загадочных. В этом жанре вымысел не является центром основного содержания, но он всегда влияет на его развитие... Один из героев романа покупает в Таиланде кинжал - крис. Вскоре он узнает о смертельной опасности, исходящей от криса и пытается избавиться от него. Но клинок вновь и вновь возвращается к нему... И всегда рядом с крисом оказывается загадочная женщина Карма, влияющая на события и судьбы героев романа. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98423-3

© Сукачев В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	9
3	13
4	17
Глава вторая	22
1	22
2	26
3	31
4	35
Глава третья	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вячеслав Сукачев

Крис и Карма. Книга вторая

Часть первая

Глава первая

1

Падает первый снег. Крупные хлопья плавно кружатся в воздухе, цепляются за ветви тополей, с шорохом скользят по оконному стеклу и оседают на жестяном откосе. Крыши соседних домов, уже покрытые тонким слоем снега, становятся как бы выше и легче – они словно парят над домами в зыбком мерцании падающих снежинок. Большая, черная ворона, чудом примостившись на самой вершине тополя, громко картавя, возмущается на всю округу: «Как! Как это? Как!» Мол, вот только что было лето, вволю всякой поживы шныряло по земле и летало в воздухе, а тут на тебе – валит и валит снег. И как прикажете теперь жить бедной, старой вороне? «Как? Как? Как?» «А вот так, – насмешливо думает Михаил Борисович Бабанович, стоя у окна в своем кабинете. – Дорогу к городской свалке, надеюсь, не забыла? Вот и не каркай, а настраивай лыжи в ту сторону. Хватит, отжировала на птенцах».

Михаил Борисович никак не может забыть летнюю ужасную картинку, случайно подсмотренную им из этого же окна. Из-под старого оконного наличника выбрался едва успевший опуститься воробушек, и воочию увидев удивительный белый свет, буквально ошалев от детского восторга, начал трезвонить на всю округу: «Чик-чилик! Чик-чилик-чик!» Что в переводе с воробьиного языка означает: братцы, а вот и я! И некому было уговорить этого восторженного дурачка – родители, видимо, смыкали по округе в поисках особо калорийной и легко усваиваемой пищи – дождевых червей. А малыш так расчирикался, так увлекся знакомством с окружающим миром, что, потеряв равновесие, неожиданно свалился в траву под окном. Конечно же, когда он начал падать, запоздало забил-захлопал крылышками, но пока еще слабое перо и отсутствие надлежащих силенок не дали ему удержаться в воздухе. Он понял свою роковую оплошность слишком поздно, когда уже забился, отчаянно чирикавая, в высокой траве. И тут же, сделав широкий плавный круг, спустилась с тополя большая ворона, накрыла малыша когтистой лапой, зорко осмотрелась, и низко над землей улетела...

Падает снег, такой первозданно чистый, что хочется верить во все лучшее. Ну, например, что все без исключения отечественные олигархи, вскормленные демократическими реформами раннего Ельцина, неожиданно решили: хватит уже воровать из государева кармана, поскольку наворовано – и детям, и правнукам тратить – не перетратить. И президент, наконец-то проснувшись от летаргического сна, увидев, что олигархи сыты и довольны, дал команду «в разы» увеличить финансирование медицины. И вот это «в разы», не разворованное тоже уже сытыми до отрыжки чиновниками из правительства и Кремля, дошло-таки и до психиатрической клиники №1 города Номска, и у Бабановича отпала надобность принимать под свое попечение Ивановых. А вместе с этим восстановился у него крепкий сон, улучшилось настроение, шире открылись глаза, которыми он начал пользоваться по прямому назначению – спокойно смотреть в глаза людей.

Михаил Борисович тяжело вздыхает и отходит от окна. Фантазии и благие пожелания, увы, жить не помогают. Деньги, увы, нужны не только олигархам и кремлевским чиновникам, деньги нужны всем... Поэтому правительство иногда делится со своими преданными вассалами: то на пандемию подкинет десяток-другой миллиардов, то в ЖКХ, то в космическое ведомство, а там еще – Зубковы, Ротенберги, Якунины, Тимченко в очереди стоят. И все президента за полы пиджака дергают: мол, про меня-то не забыл? Мы же с тобой столько лет на татами вместе кувыркались, вербовали, закупали, продавали... Конечно, далеко не все президентами становятся, а вот дармоедами при президенте – все! Разумеется, не за его личный счет...

Далек Бабанович от президента, как Полярная звезда от Кремлевской стены, и потому надеяться на щедрую подачку от государства он не имеет права. А строгая комиссия из краевого министерства здравоохранения, между тем, постановила: срочно отремонтировать второй жилой корпус, находящийся в аварийном состоянии с 1998 года. И таких постановлений у него – три. А Ивановых в этом году побывало в клинике – только два человека. И как прикажете ремонтировать? Из каких внутренних резервов? Урезать и так нищенские зарплаты? Последние специалисты разбегутся. Сократить персонал? Недокомплект по штатному расписанию уже три человека. Видимо, скоро палаты самому убирать придется. Вот и приходится ждать, пока очередные страждущие друзья-соратники президента сыто отвалятся от кремлевского пирога, поглаживая набитое долларами брюхо.

Бабанович садится за рабочий стол и придвигает к себе график дежурств медперсонала в стационарном блоке. Он раздражен до предела: два дежурных врача подали заявления об увольнении, мотивируя это тем, что у них очень маленькая зарплата. Медсестра Оля все еще не вышла из отпуска по уходу за ребенком, а на Ирину Семеновну ему просто стыдно смотреть – под глазами круги, похудела так, что ключицы выпирают, а подменить ее некем. Тут не только президента, а и господ бога вспомнишь, позабывшего о нездоровых чадах своих.

А за окном продолжает падать первый снег, прикрывая основательно промерзшую, неопрятную землю, тут и там испохабленную бесконечными собачьими «шоколадками», как выражаются закоренелые французские любители домашних животных. Но они-то свои собачьи «шоколадки» исправно подбирают, а вот наше собачье дерьмо засыплет снегом, потом оно оттаяет, потом скатится в ручьи, в реки и озера... В общем, как любит выражаться сестра-хозяйка психиатрической клиники №1 Нина Ивановна – почувствуйте разницу.

Ирина Семеновна, между тем, не без труда вырвалась в обеденный перерыв из клиники, чтобы закупить продукты для дома. Иначе у нее никак не получается: к восьми часам утра она уже должна отвести Мишутку в садик и к половине девятого успеть на утренний обход. Без пятнадцати минут восемь вечера Мишутку из продленки надо забрать, накормить, спать уложить, прибраться, а там уже глаза сами собой закрываются. И что там, в мире делается, кто и сколько в очередной раз украл, какой президент нынче в Кремле (все они, по твердому убеждению Ирины Семеновны, одним миром мазаны), для нее, как говорится, без разницы. У нее свой Кремль – психушка и свой президент – Бабанович, все остальное для неё – по барабану. У Ирины Семеновны просто времени нет вникать в очередное обращение президента к народу, но интуитивно она знает: как не было ничего хорошего – так и не будет. А слова всякие-разные, красивые обещания и прочую словесную муру Ирина Семеновна уже больше тридцати лет слушает, и если бы родители не прописали ее в свое время к бабушке с дедушкой в двухкомнатную квартиру, куковала бы она сейчас в съемной и перспектив – никаких. Из слов, как известно, даже президентских, шубу не сошьешь...

В последние дни Иванов из первого бокса явно пошел на поправку: глаза у него стали осмысленными и умными, что Ирина Семеновна, в принципе, и предполагала. Нет, не похож был этот пациент на обыкновенного забулдыгу, ни с какой стороны – не похож. И не только по рукам, явно не знавшим физического труда и дорогим очкам в импортной оправе об этом можно судить. Не похож он, в первую очередь, по уровню психологической восприимчивости окружающих. Иванов, например, очень быстро понял, как и с кем себя надо вести, и что от него требуется на данном этапе лечения. Несколько дней назад, когда она ставила ему очередную капельницу с физраствором, он неожиданно спросил:

– Вы, извините, кто?

– Я? – в первый момент она даже растерялась. – Я – Ирина Семеновна, старшая медсестра нашей клиники...

– Это я уже понял, – улыбнулся Иванов, наблюдая, как она управляется со штативом и крепит колбу с мутноватым раствором. – Вы – мой ангел-хранитель?

– Почему вы об этом спрашиваете? – удивилась и одновременно слегка встревожилась Ирина Семеновна.

– Честно говоря, Ирина Семеновна, я уже понял, что вы делаете не совсем то, что вам велит Бабанович... Я прав?

Теперь она испугалась по-настоящему и непроизвольно оглянулась на дверь.

– Вы так думаете? – Ирина Семеновна внимательно посмотрела на Иванова, не представляя в данный момент, что ему отвечать, и надо ли отвечать вообще.

– Я не думаю... Я это – знаю, – со вздохом ответил таинственный Иванов.

– И все же?

– Вы научили меня, как надо вести себя с Михаилом Борисовичем... Вы чуть ли не сутками дежурите здесь только для того, чтобы самой делать капельницы и инъекции... Хорошо, что у вас такие руки, Ирина Семеновна... – он неожиданно умолк и отвернулся к стене.

– А что с моими руками? – Ирина Семеновна невольно посмотрела на свои руки с основательно запущенным маникюром и коротко остриженными ногтями.

– Они у вас очень добрые, – спокойно ответил Иванов. – И они – не умеют врать...

– Спасибо, – усмехнулась Ирина Семеновна. – Надеюсь, своими наблюдениями вы не собираетесь с кем-то делиться?

– Боже упаси, Ирина Семеновна! – Иванов сделал протестующий жест рукой. – Не понятно мне пока только одно: все это вы делаете по своей личной инициативе или же за этим кто-то стоит?

Разговор получался чересчур откровенным, а она не хотела, не имела права рисковать хотя бы из-за Мишутки... Да и результатов своих усилий по спасению этого человека было бы очень жаль...

– Что вы такое говорите? – нахмурилась Ирина Семеновна. – Я вас не понимаю... Я просто делаю свою работу и по возможности – делаю ее честно... А вам, откровенно говоря, еще рано задаваться какими-то вопросами, вы для этого пока слишком слабы. Сон и покой, покой и сон – вот ваша главная задача на ближайшее время... Вы меня понимаете, Иванов?

– Да, более чем, – вяло ответил он и разочарованно отвернулся к стене.

– Вот и прекрасно... Если все будет нормально, – с легким нажимом сказала Ирина Семеновна, – дней через десять мы вернемся к этому разговору...

– Обещаете? – не поворачивая головы, но с явной надеждой спросил Иванов.

– Обещаю, – не задумываясь, твердо ответила Ирина Семеновна.

И снова Ирина Семеновна опоздала забрать Мишутку из садика. На пять минут, но опоздала. А она и сама прекрасно знала, что такое – на пять минут задержаться после работы. На

свой автобус или трамвай ты уже не попадаешь, а когда следующий – кто его знает, и – пошла, потянулась цепочка нелепых нестыковок и неувязок в хорошо продуманной тобою и отлаженной городской жизни...

– Извините, Роза Ахметовна, ради бога, извините, – целуя уже одетого Мишутку, повинилась Ирина Семеновна. – Непредвиденно задержали на работе.

– Конечно, я вас понимаю, – Роза Ахметовна свела к переносице широкие брови. – Но, наверное, есть отец, мог бы и он забрать...

– Отца у нас нет, Роза Ахметовна, родители в другом конце города живут, так что, – Ирина Семеновна улыбнулась и развела руки.

– Такая красивая женщина... А сколько приличных мужчин вокруг, – ответно улыбнулась воспитательница, закрывая Мишуткин шкафчик.

– Это – вам, – протянула плитку шоколада Ирина Семеновна. – И еще раз – извините.

– Ой, да зачем же вы тратитесь? – обрадовано заговорила Роза Ахметовна. – Разве я не понимаю... Ну, счастливо вам домой добраться. Миша, до свидания, – потрепала она Мишутку по руке.

– До свидания, – нахмурил пока еще бесцветные бровки Мишутка, не сводя глаз с шоколадки в руках воспитательницы. И, тем не менее, что-то он уже понимал, потому что спросил, когда уже вышли на улицу: – Мама, а зачем ты ей нашу шоколадку отдала?

– Это подарок, Миша, – немного подумав, ответила она сыну.

– Подарок – за что?

– Просто – подарок, Мишуня, – засмеялась Ирина Семеновна и чмокнула сына в теплую щечку. – Я и тебе купила, не расстраивайся. Дома отдам.

– Здорово! – обрадовался Мишутка. – А мы сегодня в садике в снежки играли.

– Снежки? – удивилась Ирина Семеновна. – Какие могут быть снежки, когда снег такой сухой и колючий?

– А вот, – Мишутка сгреб варежкой горстку сыпучего снега и неловко кинул в мать...

Дома, пока Мишутка раздевался в прихожей, Ирина Семеновна разогрела в микроволновке котлеты, налила в кружку компот и выложила на стол шоколадку, рядом с которой пристроила маленькую машинку ярко-зеленого цвета.

– Ур-ра! – восторженно завопил Мишутка, схватив зеленую машинку. Прокатил ее по столу, по табуретке, сел на пол, заурчал, запыхтел, воображая себя крутым водителем. Ирина Семеновна с улыбкой наблюдала за сыном, забыв про ужин и шоколадку. В мыслях она была далеко от своей тесной, но такой уютной кухоньки.

Рано или поздно Иванову придется что-то отвечать. И что она ему ответит? Расскажет про таинственные флюиды, которые неожиданно просочились из его руки – в ее руку, когда она чисто случайно подошла к нему? Про родство душ, вдруг проникшее в ее сознание помимо воли? Или даст почитать рассказ «Солнечный удар» Ивана Алексеевича Бунина? Все это – на грани фантастики: не каждый даже и поймет, о чем идет речь. Тогда что? И почему все-таки пошла она на этот вполне осознанный риск? Из простого человеколюбия? Но она уже шесть лет работает в этой клинике, насмотрелась и повидала всякого, и если бы каждый раз включала свое человеколюбие – давно бы с ума сошла сама. Это – аксиома. Тут даже и доказывать-то нечего. Да и Иванов далеко не первый у нее... Таких больных здесь – предостаточно перебивало, разных, порой до слез жалких и потерянных, порой – до отвращения омерзительных. Однажды привезли не Иванова, а Иванову, поселили в женское отделение, бокс номер три. Красавица – необыкновенная: блондинка с голубыми глазами и густыми, темными бровями. Чуть старше Ирины Семеновны была и сразу видно – птица из другой жизни и другого полета. Да она долго у них и не задержалась, дней десять – не больше. Но получала полный интенсив, и на глазах у Ирины Семеновны угасала, превращаясь из красавицы в опустившееся

существо с минимальными запросами: попить-поесть, в туалет сходить... Приехал за ней сам Мармелад, а Михаил Борисович после его визита пару недель прикрывал очень темными солнцезащитными очками огромный синяк под глазом... А недавно в городе взорвали в машине местную предпринимательницу, хозяйку леса, как называли ее журналисты, властную и влиятельную женщину. И каково же было удивление Ирины Семеновны, когда она увидела в вечерней газете портрет пострадавшей предпринимательницы: это была красавица Иванова из третьего бокса...

Так что же она ответит, в конце концов, Иванову? Ирина Семеновна даже приблизительно не знает, кто он такой и почему к ним попал? Может, он серийный убийца или насильник малолетних девочек? И все ее флюиды – это лишь флюиды одинокой женщины, основательно стосковавшейся по мужской ласке. Кто ей сказал, что это обязательно должен быть умный и порядочный человек? Как раз подлецы и умеют лучше других прикидываться добренькими и беззащитными, и она, придумав прекрасного принца, на самом деле взращивает жестокого вурдалака... Как ей быть на самом деле? Может, пока не поздно, прекратить свою подпольную деятельность, и строго выполнять предписания Бабановича? И – будь, что будет... Но – поздно, она это прекрасно понимает. Теперь никакие страшилки о вурдалаках и насильниках ее уже не остановят, увы...

2

Иван Иванович Огурцов, поставив мотоцикл в гараж и заперев ворота, возвращался домой, когда распахнулись створки окна и Матрена Ивановна, держа черную трубку телефона, энергично помахала ему. Должно было случиться что-то особенное, чтобы его Матрешка, как звал Иван Иванович свою жену лишь наедине и в самые сокровенные минуты, торопила его к телефону. Никаких срочных дел она не признавала и не любила, и как могла – уберегала от них своего мужа. За многие годы совместной жизни она давно уже поняла, что иных дел, кроме как срочных, у участкового не бывает по определению, а потому и относилась к ним соответственно.

– Иду! – махнул жене Иван Иванович и поспешно пошагал в свой подъезд.

– Михалыч, – протягивая трубку, чуть ли не торжественно сообщила Матрена Ивановна, и Огурцов окончательно утвердился в том, что случилась беда.

– Слушаю тебя, Михалыч! – громко прокричал он в трубку, поскольку его сразу же оглушил невероятный шум и треск, свойственный отечественной радиосвязи.

– Беда, Иван Иванович! – ответно прокричал Михалыч, и даже сквозь этот невообразимый шум было слышно глубокое отчаяние в его голосе.

– Что случилось? – Иван Иванович внутренне собрался, готовый к самой неприятной новости, но то, что услышал, превзошло все его ожидания.

– У нас человека убили, – чуть не плача, кричал Михалыч.

– Где? – опешил Огурцов, почему-то сразу вспомнив про бродячих туристов. – Кто убил и кого?

– Да на охоте же, Иван Иванович, будь она неладна!

Пару раз такие случаи в практике Огурцова бывали. Не случайно же говорят, что один раз в год и палка стреляет. А тут приедут городские толстосумы на охоту, расслабятся и, как правило, очень хорошо расслабятся, и начинают с оружием баловать: то по бутылкам стреляют, то по сорокам, а там, глядишь, и своего товарища ухлопали. По дурости, случайно, но убили же человека, жизни лишили, и отвечать за это им всерьез приходится. Вот и сейчас Иван Иванович решил, что, скорее всего – случился на охоте очередной сураз, и зря Михалыч так убивается, а по голосу хорошо слышно, что убивается, слезами горю не поможешь...

– Это твои охотники из города, что ли? – строго спросил Огурцов. – Что с лицензией на лося приехали?

– Они самые, – тяжело вздохнул Михалыч. – Да убил-то... Николка...

– Что-о?! – не поверил тому, что услышал, Иван Иванович. – Плохо слышно тебя, Михалыч... Повтори!

– Николка, говорю, человека зарезал! – прокричал Михалыч и тяжело задышал в трубку.

– Как – Николка! Ты что такое говоришь, Михалыч? Как мог твой Николка человека убить? – решительно отказался поверить тому, что говорит старый охотовед, участковый инспектор Огурцов.

– Да вот так, Иван Иванович... Зарезал человека и вся недолга, – чуть не плача, кричал Михалыч. – Да ты приезжай скорее, здесь, на месте, сам разберешься... А то у меня руки-ноги, сам понимаешь, ходуном ходят от таких дел...

И связь оборвалась, а Иван Иванович все стоял у телефонного аппарата, плотно прижимая трубку к уху, словно бы ожидал какого-то дополнительного сообщения, которое перечеркнуло бы страшные слова Михалыча.

– Что там случилось, Ваня? – крикнула из кухни встревоженная Матрена Ивановна. – Михалыч прямо-таки не своим голосом со мной разговаривал. Я уж с ним и так и этак, да только слышу, человек не в себе...

– Случилось, понимаешь... Большая беда, Матрена, там у них случилась, – опуская телефонную трубку на аппарат, задумчиво сказал Иван Иванович. – Вроде бы Николка – человека убил...

– Как – убил? – чуть не выронила тарелку из рук Матрена Ивановна. – Что ты такое говоришь, отец? Конечно, парень он шепутной, заполошный, но чтобы убить человека...

– Ладно, Матрена, я поехал, – снял с вешалки планшет с протоколами Иван Иванович. – Если кто из района позвонит, так и доложи, что выехал, мол, на место происшествия по убийству человека... Хотя, честно говоря, верить мне в это совсем не хочется. Ну, никак Николка не мог убить человека, я с тобой здесь целиком и полностью согласен...

– Поезжай, – не стала возражать Матрена Ивановна, хотя стол к обеду у нее уже был накрыт.

Кажется, всего несколько дней назад проезжал по этой дороге Огурцов, а какая перемена случилась за это время в природе. Лес окончательно оголился, от крепких ночных заморозков полегли рыжие травы, заметно глазу поубавилось птиц и вообще всякой живности, сопровождающей человека в лесу. Лишь назойливые сороки перелетали с одной вершины на другую, пронзительным стрекотом, особенно громким в голом лесу, оглашая окрестности. Для охотников нет вреднее птицы, чем эта белобокая красавица с темной головой и длинным сизым хвостом. Завидев человека, она тут же оповещает всех лесных обитателей, не спрятавшихся на зиму в дупла, норы и берлоги, об этом прискорбном факте, и через несколько минут тревожная весть, словно по телеграфной связи разносится по всей округе. Вот и попробуй после этого скрытно подобраться к какому-нибудь зверю или птице. А любопытства у этой белобокой трещётки, как у какой-нибудь базарной бабы: все ей знать надо, за каждым твоим шагом она проследит, каждое твое движение – подсмотрит, а подвернется что-нибудь яркое, блестящее – обязательно стащит. Часы там и прочую мелочь, вроде обручальных колец и золотых сережек, она влет уносит, а если что потяжелее, поувесистее попадетя, фотоаппарат, например, или бинокль, волоком в кусты утащит. Мотоцикл, конечно, ей не по силам, а вот револьвер в кобуре – это запросто, только коробочку шире открой.

Перебравшись через разбитый мост на другую сторону Лосихи, Иван Иванович неожиданно вспомнил, что именно здесь он встретил в прошлый раз странную собирательницу трав, шагавшую босиком по гравийной дороге. Даже сейчас у Огурцова по подошвам ног мурашки

пробежали, стоило ему представить, как это симпатичное, нежное существо с удивительно большими, красивыми глазами, ступает своими ножками по острым камушкам и щебню. И еще такое странное имя у нее – Карма. Никогда Иван Иванович такого чудного имени не слышал. Да и сама женщина, по сути, очень странная была, наговорила ему разной ерунды. Но ведь наговорила так, словно всю жизнь его знала... И про дороги, которые ему предстоят, она что-то такое сказала, и вот, не прошло и недели, а Иван Иванович снова на этой дороге и по такому случаю...

«Как же так, – старательно объезжая многочисленные рытвины и вздутия дорожного полотна, думает Иван Иванович, – парень жениться собрался, уже и заявление в ЗАГС отнес, и вдруг – пошел на убийство... Что могло произойти, если он на такой поступок решился? Не от нечего же делать, в конце концов... От нечего делать только дети рождаются, да и то хорошо постараться надо. А вот для убийства живого человека – для этого серьезные основания должны быть...»

Ровно потрескивает мотоциклетный двигатель, стелется низко над дорогой голубоватый дымок из выхлопных труб, мелькают по обочинам вековые ели и густые заросли молодой ольхи, так и не сбросившей пока свой летний наряд. Спешит Иван Иванович, наддает газа, словно бы от времени его приезда еще что-то может зависеть...

На Михалыче – лица нет. Отворив легкие воротца из штaketника, и пропустив Огурцова на мотоцикле во двор, он потерянно плетется вслед за ним.

– Здорово, Михалыч! – преувеличенно бодро здоровается Огурцов, хотя и видит, что его старинный друг буквально почернел от горя.

– Здравствуй, Иван Иванович, – вяло пожимает протянутую руку Михалыч. – Вот, видишь как, снова свидеться довелось... И кто бы мог подумать, что свидимся мы с тобою по такому поводу...

– Что делать, Михалыч, – отводит взгляд Огурцов. – Жизнь, она ведь сам знаешь какая... А где Николка? Что-то я его не вижу...

– Так нет Николки, – теперь уже Михалыч виновато отводит глаза.

– Как, нет? – удивился Иван Иванович и его взгляд становится заметно строже. – А где же он? Куда девался?

– Должно быть, к своей Люське укатил, – Михалыч растерянно разводит руки. – Мотоцикла его тоже нет... А стоял он вот здесь, под навесом...

– Вот это уже совсем плохо, – хмурится Огурцов. – Вот это он напрасно сделал. Он что, меня дожидаться не мог? Или как это понимать?

– Да я его как отвел на место загона, так больше уже и не видел, – смущенно оправдывается Михалыч, и беспомощно оглядывается на городских мужиков, сидящих на крыльце.

– Охотники, что ли? – кивнул в их сторону Огурцов.

– Они, – горестно вздыхает Михалыч. – Тоже в себя придти не могут – их друга на охоте зарезали. Разве такое бывало когда? И кто – Николка! До сих пор я в это поверить не могу...

– Ладно, Михалыч, разберемся, – Огурцов подтянулся и словно бы стал выше прежнего своего роста. – Во всем разберемся, так что не рви себе напрасну сердце... Убитый где? – Иван Иванович внимательно осмотрелся.

– Там, – махнул в сторону леса Михалыч.

– Его никто не трогал?

– Упаси бог, Иван Иванович... Тебя ждали...

– Ну и молодцы... Я у тебя на веранде пока место займу – ты не против? – уже деловым, озабоченным голосом спросил Огурцов. – Надо будет городских товарищей опросить.

– Да где хочешь – там и занимай, – устало вздохнул Михалыч и медленно побрел в сторону загона, где его лошадка давно уже «читала газету».

На место трагедии Михалыч и Огурцов пошли вдвоем, попросив городских охотников подойти через час, чтобы забрать тело своего товарища.

– А без нас никак нельзя? – нервно спросил грузный мужчина в роговых очках. – У меня завтра утром серьезное совещание...

Второй, смуглый, симпатичный мужик, нервно одернул товарища:

– Ну, ты что, Мартын, в самом деле? Подождет твое совещание...

Убитый охотник лежал на спине, неловко подвернув левую руку, а правая – все еще сжимала карабин. Внимательно осмотрев место происшествия, сфотографировав труп, место засады и убитого тремя выстрелами Яшку, участковый инспектор обратил внимание на то, что на куртке убитого не было следов крови. Не было их на рубашке и даже на майке. Ровное, аккуратное входное отверстие напротив сердца и ни единой капли крови, которая просто обязана была просочиться из раны. Тем более, что ранение не было сквозным, и кровь не могла выйти с другой стороны. С таким странным явлением Огурцову еще не доводилось сталкиваться, но он не стал заикливаться на нем: вот-вот должна была подъехать оперативная группа с криминалистом из райцентра, вот пусть они и вникают во все детали. А Ивану Ивановичу куда важнее было досконально восстановить всю картину происшествия. Большие надежды по этой части он возлагал на Михалыча – опытного следопыта.

Погрузив тело на самодельные носилки, водители и их хозяева-охотники ушли на кордон. Пока Огурцов тщательно осматривал и фотографировал место, где стоял на номере покойный Ромашов, а затем те заросли, откуда выскочил ему навстречу Николка, Михалыч взялся свежевать лося. Сам не замечая того, он по давно укоренившейся привычке вслух разговаривал с Яшкой так, словно бы тот все еще был живой.

– Вот ведь как, Яшка, судьбу не обманешь: как было тебе на роду написано рано помереть, так оно и случилось. В прошлый-то раз я, старый пень, наперекор судьбе подобрал тебя месячным теленочком со сломанной ногой и, выходит, зря подобрал... Теперь-то ты, Яшка, не только сам ушел, но и Николку за собой потянул. Это же он из-за тебя, ясное дело, городского охотника грохнул... Конечно, какая тут может быть твоя вина? Но все же, Яшка, все же... Не подбери я тебя тогда, – глядишь, ничего бы и не случилось сегодня...

Пару раз Михалыч подключался к Огурцову, и они буквально на коленях ползали, отыскивая, где сломанную веточку, где содранную с места моховую подстилку. Николкины следы, обутого в обыкновенные кирзовые сапоги, просматривались отчетливо, а вот войлочная, мягкая обувь Ромашова почти никаких следов не оставила. И все же картина по следам вырисовывалась более-менее понятная. Ромашов трижды стрелял по зверю, о чем свидетельствовали три стреляные гильзы и раны. Первым выстрелом он поразил Яшку в левую лопатку – пуля слегка зацепила сердце и прошла навылет. Собственно, Яшка был обречен уже после этого первого выстрела. Но он стоял в густом ельнике и Ромашов, видимо, не зафиксировал убойное попадание, и сделал еще два выстрела: одна пуля угодила в шею, вторая поразила основание черепа. Что характерно, Николка находился на линии огня и довольно близко от стрелявшего охотника... Только по чистой случайности две пули, прошедшие навылет, миновали его.

После выстрелов Николка бросился на выручку к Яшке. По оставленным следам видно, что и до этого он буквально ломился сквозь тайгу, расчищая себе путь необычайно острым ножом. Об этом можно было судить по той причине, что и довольно толстые ветви имели ровные, гладкие срезы – их словно бритвой отсекали. У Михалыча даже сомнения закрались...

– Отродясь у Николки такого острого ножа не было, – сказал он Ивану Ивановичу. – Как и все нынешние молодые, он точил свой нож от случая к случаю... А вот эта ветка, – Михалыч поднял еловую ветвь в большой мужской палец толщиной, – чтобы ее так чисто, без надлома

срезать, нужен не нож, а как минимум сабля или палаш... Понимаешь, Иван Иванович, для такого среза требуется большой размах и усилие длинного рычага... А Колькин нож я знаю, я его сам ему подарил. Таким ножом ветку толщиной с мизинец так чисто не срежешь... Что-то тут не так...

– Полностью согласен с тобой, Михалыч, – живо отозвался Огурцов, и каким-то странным голосом продолжил: – А ты вот сюда посмотри... Картина-то получается еще более занятая.

Михалыч, подобрав несколько срезанных ветвей, пошел к Огурцову.

– Вот, смотри, – показал на следы, оставленные сапогами Николки, Иван Иванович. – С полсотни метров Колька летел сломя голову. Видишь, здесь сорван мох, здесь камень вывернут, а здесь он старый, сгнивший гриб раздавил. – Михалыч внимательно смотрел, удивляясь зоркости Огурцова. – А вот здесь, смотри, следы обрываются – дальше ни травка не примята, ни мох с камнем не сорван... Чисто, согласен? А вот здесь снова его следы, но уже на расстоянии вытянутой руки от убитого лося...

– Ого, – опешил Михалыч, сразу поняв то, о чем говорил Огурцов. – Да ведь между Николкиными следами никак не менее десятка метров?

– Бери больше, – Огурцов показал рулетку. – От одного следа до другого – одиннадцать метров, семь сантиметров...

– Как это может быть? – ничего не понял озадаченный Михалыч.

– А я знаю, – задумчиво ответил Иван Иванович, вертя металлическую рулетку в руках. – Посмотри сам, может, я какой след и пропустил, хотя не должен.

Михалыч, низко склоняясь над землей, буквально по сантиметру просмотрел все это расстояние в одиннадцать метров, семь сантиметров – от следа до следа. Вот здесь Николка в последний раз оттолкнулся, а здесь – приземлился буквально впритык к Ромашову. И все бы нормально, если бы не это фантастическое расстояние в одиннадцать метров...

– Не по воздуху же он летел, в самом деле? – в недоумении уставился на Огурцова растерянный Михалыч.

– А следы показывают, что по воздуху! – торжественно сказал Иван Иванович. – Вот в чем фокус... И как только Николка приземлился, он сразу и ударил Ромашова ножом. И даже еще непонятнее, Михалыч: получается, что ударил он его ножом в грудь чуть ли не на лету... Понимаешь? И ударил – со страшной силой: нож словно вату рассек, а на Ромашове была плотная меховая куртка, кожаная утепленная жилетка, рубашка, нижнее белье... И ни капли крови при этом... Чудно, Михалыч, очень чудно...

В недоумении они смотрят друг на друга, потом на место трагедии, плотно окруженное вековой тайгой, все это молчаливо наблюдающей и, как всегда, тайн своих не выдающей.

3

Поздняя осень. Выпал первый снег, и все вокруг неузнаваемо преобразилось. Посветлел и просторнее стал лес, даже завалы бурелома выглядят сейчас куда опрятнее, а уж пни и вообще принарядились, до самого носа надвинув зимние шапки. А вот белоствольные березки на общем фоне заметно потерялись – они словно бы растворились в снежном мареве, отступили на второй план. Купчиха-зима щедро притрусила леса и поляны, кочковатые мари и скалистые склоны – все покрыто сказочно сверкающим под низким зимним солнцем одеялом. Необычайной свежестью, чистотой и покоем буквально пропитан каждый уголок тайги, и хочешь не хочешь, а думается, что началась новая жизнь, более светлая и надежная, в которой и для тебя есть место.

Найда, азартно рыскавшая по брюхо в снегу и основательно умаявшаяся еще на первых километрах, едва плелась вслед за Сергеем по проложенной им лыжне. Время от времени она шумно втягивала в себя бодрящий морозный воздух, скашивая на Сергея коричневые пуговицы глаз.

– Что, Найда, умоталась? – не оборачиваясь, спрашивает Сергей. – Это тебе не летом по кустам носиться, зайцев пугать.

Сергей и сам уже изрядно устал, ему хочется присесть на первую попавшуюся валежину и перевести дух. Но он упрямо отталкивается лыжными палками, с трудом передвигает потяжелевшие лыжи, решив непременно достичь Дальней рёлки. Там, по словам Тихона Петровича, прибежавшего к нему рано утром, опять горел костер, и тени каких-то людей поблазнили ему... На этот раз сторож не решился проверять, что это за люди и зачем развели костер на его территории. Памятуя о своем прошлом приключении, Тихон Петрович предпочел рассказать обо всем Сергею и, сославшись на срочные дела, укатил на рейсовом автобусе в село.

– Ну, Найдочка, еще немного и мы будем на месте, – устало говорит Сергей. – Там мы с тобой слегка перекусим, чайку попьем и двинемся в обратный путь. До нашего дома всего-то три километра, не больше, просто отвыкли мы с тобой за лето по снегу ходить, вот и вымотались за эти полтора часа. Но – ничего, обратно мы по своим же следам пойдем...

Найда внимательно смотрит на хозяина, и по этому поводу свое собственное мнение имеет... Дураку понятно, что по первому, еще рыхлому снегу, ходят в тайгу люди и собаки только при крайней необходимости и с определенной целью. Ну, скажем, выследить по первопутку ушлого косоного, а то и хитрованку Патрикеевну прижучить. На худой конец, можно вывощок рябчиков поднять, а то и выше бери – тетерева-косача с красными надбровными дугами спроворить. Но так делают люди умные, практичные, и поэтому у них почти всегда на столе вкуснейший суп с лапшой из тетерева или тушеная картошка с зайчатинной, а в собачьей миске не переводятся хрящики с косточками. А у ее хозяина, стыдно говорить об этом, даже ружья нет. И чего тогда тащиться в такую даль, месить снег понапрасну?... Конечно, так думает Найда только в связи с отношением хозяина к охотничьим делам. А что касается вообще – он у нее лучший среди лучших! Найда за него, если понадобится, любому глотку порвет, это факт. И об этом он и она прекрасно знают безо всяких лишних слов.

– Ничего, Найдочка, уже совсем немного осталось, – с одышкой говорит Сергей, смахивая рукавицей образовавшийся от дыхания иней на небольшой русой бороде. – Зато обратно мы с тобой как под горку покатаемся: оглянуться не успеешь, как мы уже дома щи лаптем хлебать будем...

Первозданной белизной сияли снега вокруг Дальней рёлки. Лишь цепочки узеньких мышиных следов пересекали ее вдоль и поперек, да взлетела из-под низко обвисшей кроны белоствольной березы сорока-белобока, оставив после себя размашистые крестики следов.

Едва Сергей остановился, как Найда тут же рухнула в снег, даже не попытавшись обнюхать окрестности. А вот Сергей, наконец-то сбросив с плеч тяжелый рюкзак и вытоптав лыжами площадку подле поваленной бурей ели, добросовестно обошел всю рёлку. Но он так и не увидел ни одного человеческого следа. Либо во сне приснились Тихону Петровичу все те страсти, о которых он с жаром рассказывал, либо снег прошел после того, как здесь кто-то побывал... Конечно, можно было бы списать все эти странные истории с кострами и цыганами на большое воображение сторожа, если бы не гитара, из которой по ночам явно доносились непонятные звуки...

– Это, Найда, тебе, – Сергей положил перед собачкой дешевый рыбный фарш. – Извини, других разносолов у меня нет... А вот это – мне, – он достал бутерброд с красной соленой рыбой, следом – небольшой термос и кружечку из нержавеющей стали...

– Приятного аппетита! – внезапно раздался у Сергея за спиной женский голос. И прежде чем он сам отреагировал на этот голос, как ужаленная подскочила Найда и залилась громким лаем. Сергей оглянулся. Опираясь предплечьями на лыжные палки, перед ним стояла очень симпатичная, смуглая женщина явно восточной внешности. Огромные черные глаза под круто выгнутыми арками темных бровей, легкий румянец на круглых щеках, прерывистое дыхание, слегка сбившаяся набок лыжная шапочка фирмы «Адидас» – все показалось ему необычайно привлекательным в этой незнакомой женщине.

– Спасибо, – растерянно ответил Сергей, во все глаза разглядывая незнакомку. – Присаживайтесь... чайку с нами попить...

– Не откажусь, – улыбнулась женщина, отстегивая крепления лыж. – Кстати, у меня тоже кое-что к чаю имеется. Возьмите, – с этими словами она протянула Сергею невесть откуда взявшуюся фирменную спортивную сумку, плотно набитую свертками и кульками. Чем угодно он мог бы поклясться, что еще минуту назад ничего подобного у нее в руках не было. Только лыжные палки – это он хорошо запомнил. – Да вы берите, берите, – засмеялась женщина, показывая великолепные белые зубы и лукаво глядя на онемевшего от удивления Сергея. – Впрочем, давайте я вам помогу...

Сергей тяжело опустился на валежину и вовремя – ноги совсем не держали его. Найда, вначале враждебно вздыбившая шерсть на загривке и плотно приложившая уши, теперь, как ни в чем не бывало, крутилась в ногах у Сергея, с выжидательной преданностью глядя на сумку неожиданной гостьи.

– Да, кстати, давайте знакомиться, – вновь сверкнула удивительно ровными, белыми зубами незнакомка. – Меня зовут Карма... Никогда не слышали такого имени? – словно прочла она мысли Сергея. – Ну, так зовите меня Кармен, хорошо? Это одно и то же... Держите, – она протянула Сергею небольшой пропитанный масляными пятнами сверток. – Это ваши любимые пирожки – капуста с грибами...

Окончательно обалдевший Сергей взял сверток, молча развернул и увидел ровные, румяные, казалось, только что из духовки, маленькие, аккуратные пирожки. Были они, как на подбор – один к одному и точно того размера, какие любила печь его баба Маруся... Он поднял голову и вопросительно уставился на женщину, разливавшую из необычайно пузатой бутылки с длинным горлышком терпкую, тягучую жидкость в продолговатые керамические рюмки.

– Ну, за знакомство? – серьезно спросила Карма. – Надеюсь, я вам с Найдой обед не испортила? Пейте-пейте, это очень хороший старинный напиток – ему более четырехсот лет и, представьте себе, он из лучших погребов далекого острова Ява.

Сергей скосил глаза на Найду и увидел, что она за обе собачьи щеки уплетает аппетитные крылышки какой-то птицы. О том, каким образом эта невесть откуда взявшаяся Карма узнала имя его собаки – он даже думать не стал. Но вовремя спохватился, что сам представиться забыл.

– Сергей, – слегка склонив голову, не очень внятно представился он и медленно, с чувством, выцедил необычайно крепкий и ароматный напиток.

– Очень приятно! – легко засмеялась Карма, извлекая из сумки две большие кисти винограда: одна была белая и с такими прозрачными винодинами, что в них ясно просматривались темные косточки, другая – с черным виноградом, с идеально круглыми, лоснящимися боками. Пораженный Сергей заметил, что на кистях солнечных ягод сохранились мельчайшие капельки утренней росы.

«Как же он не замерз? – наивно удивился Сергей, осторожно принимая виноград, казалось, только что сорванный с виноградной лозы. – И вообще, откуда это все и кто, в конце концов, жарил пирожки? Баба Маруся двадцать лет уже, как померла, а такие пирожки только она могла печь...»

– Красиво у вас здесь, – вздохнула Карма, – хотя и холодновато... И летом очень хорошо, вот только комаров много, – она виновато улыбнулась. – Не привыкла я к ним...

– А вы и летом здесь бываете? – искренне заинтересовался Сергей.

– Бываю, конечно, а как же? – внимательно посмотрела на него женщина.

– Вы где-то не очень далеко живете? – обрадовался Сергей, поскольку это хоть как-то могло объяснить причину ее внезапного появления.

– О, нет, – опять засмеялась Карма. – Живу я очень далеко... Но здесь, у вас, бываю, – многозначительно повторила она. – Мы этой осенью в ваших местах отдыхали с друзьями. Знаете, все было так клёво... Разожгли большой костер, пели, танцевали до самого утра... Конечно, нам надо было вначале предупредить вашего друга, Тихона Петровича, но мы забыли, увлеклись, знаете ли... Да, увлеклись, и забыли, что он эти места сторожит и за них отвечает...

– Так вы знаете Тихона Петровича? – искренне обрадовался Сергей.

– Конечно, знаем... И он нас теперь тоже знает, – ловко убирая остатки еды в ярких упаковках, ответила Карма. – По-моему, он хороший человек. Добрый... Он и вам ведь помог, правда, когда вы три года назад здесь не по своей воле оказались?

– Да, помог, – растерянно ответил Сергей, во все глаза разглядывая красавицу Карму. – Но откуда вы все это знаете?

– Знаю, знаю, – улыбнулась Карма, в то время как ее огромные, черные глаза серьезно и внимательно остановились на Сергее. – Я много чего знаю, Сережа... Например, что очень скоро вы встретите свою любимую женщину и неожиданно для себя узнаете, что она все это время была совсем рядом с вами, а вы ее искали за тридевять земель, страдали... И встретите вы ее там, где никогда не ожидали встретить. Но встреча эта, Сережа, принесет вам много хлопот и испытаний, и как вы из них выпутаетесь – даже я не знаю... Как мне кажется, и на этот раз все будет зависеть от Криса...

– От кого? – не понял обалдевший от всего услышанного Сергей.

– С ним вы потом познакомитесь, позже... Увы, Сережа, мне пора... Засиделась я у вас, а у меня, знаете ли, дела... Да, у меня есть к вам одна небольшая просьба – поможете?

– Я? Вам! – искренне удивился Сергей. – Но чем я могу вам помочь?

– Можете, Сережа, еще как можете, – доброжелательно улыбнулась Карма и тронула его за руку. – У вас моя гитара, Сережа, которую я здесь осенью забыла. – Карма показала рукой на березу, под которой Тихон Петрович нашел гитару. – Пусть она у вас еще некоторое время побудет, хорошо?

– Конечно! – обрадовался Сергей, что может так легко исполнить просьбу Кармы.

– Я ее потом заберу... Ну, Найдочка, хорошая собачка, до свидания. – Карма легко потрепала Найдку по загривку и вновь повернулась к Сергею. – Будьте осторожны, Сережа, берегите себя – вам предстоит и в самом деле нелегкие испытания...

Карма легко встала на лыжи, при этом Сергей не успел заметить, когда она зашелкнула замки крепления, прощально взмахнула рукой в красной варежке, сильно оттолкнулась палками и в считанные секунды исчезла между деревьями. Вместе с Кармой исчезла и ее спортивная сумка с продуктами. И лишь открытый термос одиноко стоял на валежине, и над ним поднимался легкий пар от остывающего чая.

День клонился к вечеру. Длинные тени от деревьев пересекали небольшие снежные поляны, от них рябило в глазах, и без того уставших от ослепительной белизны снега. Заметно похолодало, так что, хочешь-не хочешь, а шаг пришлось прибавить. И Сергей усиленно налегал на лыжные палки, пытаясь догнать далеко вперед убежавшую Найдку. События минувшего дня уже казались ему давним, приятным сном, который он видел чуть ли не в детстве. И Сергей всерьез сомневался – а было ли все это с ним на самом деле, или же Карма – плод его большого

воображения? Но когда он вернулся домой, разделся и растопил печку, а потом начал разбирать рюкзак, первое, что он в нем обнаружил – пакет со своими любимыми пирожками.

4

Вадик проснулся довольно поздно. Некоторое время он лежал на диване ничком, с усилием вспоминая, что и как у них было со Светкой. А что было со Светкой? Он ехал, ехал и, наконец, приехал домой, где ждала его самая любимая женщина на свете, самая желанная и вкусная, его родная Светка. Вадик вошел в подъезд, и сразу все командировочные дела как-то сами собой отшелушились, отошли на второй план, словно было все это очень и очень давно и, может быть, даже не с ним, Вадиком, а с каким-то малознакомым субъектом, умело замаскировавшимся под него...

Вадик не стал открывать дверь своим ключом, а позвонил, и долго, очень долго Светлана не откликнулась на его звонок. Уже даже и мысль такая нехорошая у Вадика промелькнула: а вдруг и в самом деле поддалась на уговоры подружек и «закобылила», как угрожала в последней эсэмэске. Но нет, быть такого не могло: его Светка никогда на подобную подлянку не пойдет. Припугнуть, конечно, может, да и поделом ему, на целые сутки провалившемуся в небытие, заигравшемуся в казаки-разбойники, но чтобы с кем-то другим... А вот и легкие шажочки за дверью послышались, и зыбкая тень набежала на подозрительно поблескивающий глазок, и сердце у Вадика вмиг зачастило. Да как он мог такую ересь о своей Светке подумать, как посмел какие-то дикие предположения по ее поводу строить?!

Щелкнул замок, дверь дрогнула и бесшумно распахнулась, и его Светуля, в голубенькой кофточке и джинсах, свеженькая после душа и родная, стоит перед ним. И не просто стоит, а сгорает от нетерпения, от желания броситься ему на шею, в его объятия и самой, самой – затискать, замучить голубоглазого обалдуя, засидевшегося в командировке. Но – гордость превыше всего. Это, как говорится, святое...

– Что, прибыл, кобелина? – хмурясь, строго спрашивает Светка и как бы неохотно отступает в сторону, пропуская Вадика в родной дом. – Нагулялся?

– Светуля, – пытается Вадик обнять ее, – родная моя...

– Не трогай меня! – ловко уворачивается от него Светка. – От тебя чужими духами пахнет.

– Какими такими духами? – притворно возмущается Вадик. – Ты что, Светик, что ты выдумываешь?

– Тебе, наверное, лучше знать, какими духами от тебя несет, как от шелудивого пса, – исподлобья смотрит на него родная Светулька, но каштановые глаза ее уже масляно блестят, рука тревожно тербит ворот кофты, полненькие губки обиженно вздрагивают. – Нагулялся... Прибыл...

– Да кто нагулялся, Светик? Кто прибыл? – из тактических соображений Вадик переходит в легкое наступление. – Я там пахал, как проклятый, договоров целую кучу заключил...

– С кем это ты там договора заключал? – враждебно спрашивает Светка, внимательно следя за тем, как Вадик ставит на пол дорожную сумку, снимает и вешает на крючок осеннюю ветровку, мимоходом смотрит в зеркало на свою наглую, изрядно помятую в дороге мордуленцию. Сердце у нее разрывается от нестерпимого желания броситься, наконец, мужу на шею, зацеловать его, затискать, такого близкого и родного...

– Что – с кем? – не понимает Вадик. – С заказчиками, естественно.

– А я думала – с телками, – хмурит тонко выщипанные брови Светка, из последних сил сдерживая себя от желания шагнуть Вадика навстречу.

– С какими еще там телками?! – праведно возмущается Вадик, потихоньку тесня свою Светку из прихожей – в гостиную. – С какими телками, я спрашиваю? Ты что такое гонишь, в натуре, а?

– А то ты не знаешь – с какими... Знаешь ведь прекрасно... Вон, исхудал весь, бедненький, прямо с лица сошел... Одни бесстыжие глазищи только и остались.

– Светка! Ну, что ты выдумываешь? – уже почти искренне возмущается Вадик. – Ты что, и в самом деле не догоняешь, что я только тебя люблю!?

– Любит он, а сам на целые сутки где-то пропадает, – явно сбавляет обороты Светка. – Что, так трудно было эсэмэску написать? Ну, хотя бы два слова... Не написал же, некогда было, договора заключал, очень сильно старался, видимо... Ну-ну, так я тебе и поверила, прямо разбежалась вся...

– Светка, я же тебе объяснял: мы с заказчиками после работы в баню поехали, – слегка раздражаясь, говорит Вадик, одновременно отмечая, как часто и глубоко начала дышать его Светка. – А баня у них за городом, там связи вообще никакой нет... Специально нет, понимаешь? Чтобы никто не дергал и проблемами не грузил... Я же не виноват, что мобила у меня не врубалась.

– Бе-едненький, – почти сдаётся Светка, упираясь пышненькой попкой в спинку дивана. – Так я тебе и пове-ерила...

Это уже почти песня, пронзительный гимн любви и обожания, от которого у Вадика радостно обмирает сердце, и все сжимается в тугую, стальной клубок внизу живота. Он делает решительный шаг, хватая Светку за талию и резко притягивает к себе. Она откидывает плечи, упирается в его грудь маленькими кулачками, вертит головой, уклоняясь от поцелуев, но все это уже не сопротивление, а лишь разжигание страсти, уже захватившей, уже несущей их в своем бешеном потоке, грозящем снести любые преграды на пути...

– Пусти-и! Паразит, – еще успеваешь промывать Светка, а в следующее мгновение ее рот уже крепко запечатан жарким поцелуем Вадика, которому, кажется, никогда не будет конца, и в который они погружаются оба, как в жарко обжигающую зимнюю прорубь....

– Ну, добился своего? – все еще тяжело дыша, спрашивает бессильно разметавшаяся на диване, счастливая и довольная Светка.

– Добился, – блаженно улыбаясь, отвечает Вадик.

– Доволен? Справился с бедной девушкой, да? – скашивает на него каштановые, жгучие глаза Светка, запуская пальцы с длиннющими красными ногтями в жесткую шевелюру Вадика.

– А как же, – Вадик берет ее вялую белую руку с меленькими конопущками и подносит к губам. – Я ведь так старался...

– Ты, наверное, со всеми так стараешься? – Тень сомнения вновь пробегает по раскрасневшемуся лицу Светланы.

– Светуля, родная моя, – приподнимается на локте и заглядывает в лицо жены Вадик. – Не начинай, а? Хватит уже на сегодня, честное слово...

– Ты есть хочешь? – с трудом смиряет новый приступ ревности Светка, и тянется к Вадиду полненькими руками.

– Конечно, хочу, – с легкой обидой отвечает Вадик, и слышит, как закидывает на него горячую ножку Светка, как сваливаются на его живот невозможной теплоты ее крепенькие груди, а мягкие губы настойчиво тычутся в шею, потом в потную волосатую грудь. – Еще как хочу-у... – Голос у него срезается, он вытягивается в струнку, сильными руками сгребая и тиская податливые Светкины плечи.

– А я сегодня как встала с утра к плите, – громко рассказывает Светка, накрывая стол в гостиной, – так до твоего прихода и простояла. Зато такой говяжий язык приготовила – паль-

чки оближешь... Я вначале его отварила в соленой воде с укропом и лавровым листом, потом обжарила на сливочном масле, потом картошечку-пюре, как ты любишь, приготовила, салат из кальмаров с луком в сметане... А еще одна бабулька мне домашних груздочков принесла, да таких, Вадюша, просто объедение...

Светулька, его родная и несравненная половинка, говорит и говорит, явно наскучавшись одна в пустой квартире, а Вадик, блаженно отвалившись на подушку, возлежит на своем родном диване, смотрит родной телевизор, не вникая ни в смысл, ни в содержание того, что ему показывают по ящику, и чувствует сладостную истому во всем теле. Вот так бы всегда, до скончания веков: в теле – заслуженная усталость, на кухне – любимая жена, в доме – мир и покой. И что еще надо нормальному мужику, любящему и знающему толк в настоящем семейном уюте?

– Вадик, у меня уже все готово, – воркует Светка. – Давай, поднимайся и – к столу...

– Есть – к столу! – бодро реагирует Вадик, легко поднимаясь с дивана. – Ого, Светуля, ты и наготовила! – Вадик чувствует, что зверски проголодался и готов одним махом смести со стола все Светкины съестные припасы. – Свету-уля, – вкрадчиво обращается он к жене, – а как же?..

– Сухой закон, – строго говорит Светка и невозмутимо усаживается напротив обалдевшего от удивления Вадика.

– Как? – выпадает в осадок от этой неожиданной новости Вадик. – Какой закон? Светка – я же приехал!

И у Вадика такой смешной, такой растерянный вид, он так забавно тарачит на Светку пронзительно синие, подсвеченные пережитой страстью глаза, что она не выдерживает, громко прыскает в кулак, и с ловкостью заправского фокусника извлекает из-под стола бутылку текилы. Но, прежде чем передать ее Вадиду, обиженно надувает губки и капризно спрашивает:

– А подарок, Вадюша? Подарок ты мне из командировки привез?

Вадик с досадой хлопает себя по широкому лбу, вскакивает из-за стола и вихрем летит в прихожую.

– Вот, балда! – покаянно говорит он, и со своей дорожной сумкой садится в кресло. – Извини, Светуля, совсем забыл, – Вадик расстегивает молнию, шарит в сумке рукой, и первое, что ему попадает под руку, кинжал в ножнах, завернутый в газету. Он достает его и кладет на журнальный столик, и лишь затем извлекает плотно упакованный и перевязанный голубой лентой сверток, в котором припрятан скромный подарок – серебряное колечко с янтарным камушком. Это – Светкин камень, она просто тащится от янтаря, и Вадик законно рассчитывает на полный успех своего подарка. Как говорится: хоть и дешево, но – сердито...

– Ой, Вадик, спасибо! – с замиранием сердца принимает подарок Светка. – Какой же ты у меня внимательный, какой добрый...

– А то, – гордо разворачивает плечи Вадик.

Светка нетерпеливо раздирает сверток, достает бархатную красную коробочку, открывает ее, и Вадик с удивлением видит, как вытягивается у нее лицо и непроизвольно открывается рот. Она поднимает полные ужаса глаза и пристально, не мигая, смотрит на ничего не понимающего Вадика.

– Что это? – тихо и зловеще спрашивает Светка, и Вадик замечает, как прыгают ее побелевшие губы.

– Как что? – чувствуя какой-то ужасный подвох, хрипло отвечает ничего не понимающий Вадик. – Как что – подарок...

– К-кому? – заикаясь, спрашивает побледневшая Светка.

– Тебе, конечно, – не очень уверенно отвечает Вадик и медленно поднимается из своего уютного кресла.

– Мне?! – Светкин голос вибрирует. – Ты это привез мне?!

Коробочка летит в лицо Вадика, а сама Светка стремительно убегает на кухню, и жуткая тишина медленно расплзается по квартире. Вадик наклоняется, поднимает бархатную элегантную штуkenцию, с любопытством заглядывает в нее и обмирает от ужаса. Ничем не прикрытый, наглый и бесстыжий, лежит в коробочке белый развернутый презерватив. Но и это еще не все. В бархатную крышку вдавлен лоскут бумаги, на котором крупным детским почерком зеленым фломастером написано: «Котик, береги жену!» Вадик беззвучно открывает и закрывает рот, захлопывает коробочку с презервативом и бессильно валится на диван. Несколько минут он тупо смотрит на роскошный стол, потом хватает бутылку текилы, и прямо из горлышка делает несколько крупных глотков.

Второй день Вадик не покидает свой офис, не выходит на улицу и ни с кем из посторонних не общается. На автомате он принимает заказчиков, оформляет наряды, поддерживает телефонную связь с головным офисом, здесь же спит на диване, прикупив в соседнем супермаркете постельное белье с одеялом и туалетные принадлежности. Конечно, не фонтан, но жить можно. И Вадик живет, неустанно бомбит Светку эсэмэсками, на которые она упорно не отвечает. Лоханулся он с подарком по полной программе – это факт. И отрицать его просто бессмысленно. Но ведь можно подойти к этой проблеме и несколько с иной стороны: скажем, мстительная горничная, которой верный любимой жене Вадик не оказал внимания, подсунула ему это мерзкое резиновое изделие. Точнее, поменяла содержимое коробочки, сообразуясь со своей распушенностью и гнусным представлением о порядке вещей... И при таком вот раскладе, а это ведь очень близко к истине, какие вопросы могут быть к вымотанному длительной командировкой, голодному и неухоженному Вадик? И летит очередная эсэмэска на Светкину мобилу, которую Вадик шустро набирает, не вставая со своего просторного дивана с велюровой обшивкой цвета молодой весенней травы.

«Светик, умоляю, не сходи с ума! Неужели ты не понимаешь, что это элементарная подстава? Нас просто развели в хлам в прямом и переносном смысле. А ты, как дурочка, повелась на эту подставу, испортила нам весь вечер и вообще... Светка, это старая блядь, горничная, которая хотела ко мне в кровать подлой змеей заползти. А я ее на хрен послал. Вот и все! Вот она и отомстила мне. Я еще на нее в суд подам за то, что колечко с янтарем из моей сумки выкрала. Пусть они там проведут расследование и пусть ее по закону накажут. Ну, правда, Светик, я не виноват. Клянусь, чем хочешь! Напиши мне хоть слово. Целую».

Вадик почистил зубы, умылся, сварил себе кофе. Достал из холодильника вчерашний гамбургер с телячьей котлетой и две половинки яйца под майонезом – а ведь какой чудесный язык остался дома почему зря! Клубничный йогурт пошел на десерт.

К началу рабочего дня, прибрав все следы своей домашней жизнедеятельности, Вадик, как говорится, был готов к труду и обороне. Кинжал в ножнах, который он вместе с дорожной сумкой случайно захватил с собой, удачно расположился за стеклом книжного шкафа с деловыми бумагами, чертежами и справочниками. Красные ножны, изготовленные из двух половинок сандалового дерева, изрядно потемневшие от времени, выглядели солидно и дорого и даже, как подумалось Вадик, благородно. Случайная находка откровенно радовала Вадика и лишь одно малопонятное обстоятельство несколько смущало его: как только доставал он причудливый, волнистый клинок из ножен, сердце у него начинало учащенно колотиться, и что-то вроде страха или сильной тревоги сковывали его мышцы и движения... Вадик прятал кинжал в ножны, и все вроде бы приходило в норму. Понять эту более чем странную реакцию своего организма на кинжал Вадик, разумеется, не мог, да и не пытался – пока что ему было не до этого...

Ближе к обеду мобильник Вадика коротко дернулся и запищал – пришла эсэмэска. Сердце у Вадика охнуло, и он торопливо включил мобилу.

«Сам – дурак!» – коротко ответила ему Светка, но и этого было достаточно для того, чтобы надежда, которая, как известно, умирает последней, вновь всколыхнула все исстрадавшееся существо Вадика.

Глава вторая

1

Тепло и уютно в кабинете. Настольная лампа с зеленым абажуром рассеивает ровный, успокаивающий свет, от которого у Бабановича становится легко и славно на душе. Не все плохо в этой жизни, случаются в ней и радостные исключения. Вот и у него сегодня хоть и небольшой, но праздник, который он, Михаил Борисович Бабанович, безусловно, заслужил. Наконец-то медицинская реформа, объявленная самим президентом и каким-то чудом застрявшая в головах московских чиновников, докатилась не только до краевого министерства здравоохранения, но и до клиники Бабановича. Не далее как час назад он получил срочную компьютерную депешу о том, что финансирование клиники с текущего месяца увеличивается на восемнадцать процентов. А это – о-го-го! Это – совсем другая жизнь, о которой Михаил Борисович мог только мечтать. Главное, что завтра истекает срок, после которого он обязан по трудовому соглашению подписать заявления на увольнение двух дежурных врачей, хороших специалистов, в общем-то довольных своей работой, но не зарплатой. Специалисты, теперь Бабанович это точно знает, останутся у него. И второй корпус для лежачих больных, признанный аварийным, с первого декабря он наконец-то поставит на капитальный ремонт. Видимо, какая-то задрипанная нефтяная вышка в Тюмени, которая, кстати, совсем не далеко отсюда находится, пару качков нефти в день будет делать в пользу медицины, и вот уже Бабанович может быть уверен, что гнилая крыша во втором корпусе не рухнет на несчастные головы убогих людей. А всего-то и потребовалось, чтобы достучаться до верховной власти, двадцать пять лет унижительных просьб, депеш, стонов и воплей по всей Руси всего российского медперсонала. Ах, благодетели наши, не оставляете вы страждущих вассалов своей милостью, отщипываете от бюджетного пирога, скрепя сердце, морщась и матюкаясь, но отщипываете...

Михаил Борисович довольно потирает руки, отодвигает в сторону квартальные отчеты и сметы расходов (пусть завтра этими бумагами займется экономист), открывает дверку старинного, обклеенного коричневой клеенкой сейфа, и достает из него небольшой штоф с разведенным медицинским спиртом. Внимательно прислушивается, но тихо на втором этаже административного здания, словно бы вымершего в этот вечерний час. Выплеснув воду из стакана в горшок с геранью, что почти круглый год цветет у Бабановича на широком подоконнике, он на треть наполняет его разведенным спиртом. Затем Михаил Борисович достает из ящика письменного стола плитку шоколада и, мысленно обращаясь к портрету великого Пирогова, висящего у него за спиной на стене, медленно выпивает приятно обжегшую гортань жидкость.

– Уф! – с силой выдыхает Михаил Борисович, и какое-то время сосредоточенно рассматривает пустой стакан. Потом отламывает дольку шоколада и не спеша отправляет в рот. – Хорошо пошел, паразит, – с одобрением сообщает он штофу со спиртом, и тяжело откидывается на спинку кресла. Что и говорить, разведенный спирт под хорошее настроение – великое дело. А настроение у Бабановича именно – хорошее, и жить ему сейчас хочется – вечно. Хотя еще час назад он всерьез подумывал о завершении карьеры на административном посту и срочном переезде к матери в тихий приморский город. Вот что значат для Бабановича всего лишь два качка нефтяной вышки в сутки не в пользу кремлевских чиновников. Да и для них это убыль небольшая, они ее и не заметят, при своих-то наварах. Ну, получит домохозяйка Шувалова в месяц не два с половиной миллиона рублей, а два миллиона четыреста девяносто девять тысяч, она от этого не обеднеет. Да для нее это, как слону дробина, а для Бабановича – два сохраненных для клиники классных специалиста...

Громко звонит телефон на столе. Михаил Борисович вздрагивает от неожиданности, снимает тяжелую и массивную, черную эбонитовую трубку и осторожно отвечает:

– Доктор Бабанович у телефона...

– Добрый вечер, Михаил Борисович, – жизнерадостно гудит низким знакомым голосом трубка.

– Добрый вечер, Геннадий Степанович, – эхом откликается Бабанович, и блаженное выражение лица медленно сползает с него.

– Как там у вас, все нормально? – благодушно интересуется эбонитовая трубка.

– Вашими молитвами и вашей поддержкой, Геннадий Степанович, – без подобострастия и безо всякой натяжки бодро отвечает Бабанович, отодвигая в сторону стакан и возвращая заветный штоф в сейф.

– А как там наш подопечный поживает, не жалуется? – басит трубка вроде бы благодушно, но и с легким нажимом.

– Нет, не жалуется, Геннадий Степанович, – серьезно отвечает Бабанович на вроде бы несерьезный вопрос. – Все находится под контролем и согласно графику...

– Это хорошо, это очень даже хорошо... Знаете, приятно иметь дело с настоящим специалистом, – и длинная пауза и наконец то, ради чего и позвонил абонент. – Михаил Борисович, дорогой, недельки две-три вы еще сможете поддержать моего подопечного? Разумеется, на прежних условиях...

– Легко, – влет отвечает Бабанович. – На прежних условиях – сможем...

– Ну, вот и славненько... Вот и хорошо... Гонорар вам завтра же мой человек завезет.

– Благодарю вас, – Бабанович хмурится и устало проводит рукой по глазам. – Покорнейше благодарю...

– Ну, что вы, – рокочет в трубке уверенный, напористый баритон. – Это я вам по гроб жизни обязан, Михаил Борисович... До свидания.

– До свидания, – эхом откликается Бабанович и медленно опускает черную, эбонитовую трубку на черный аппарат.

«По гроб жизни», – криво усмехаясь, думает Бабанович, – это сильно сказано. Это он в самую точку угодил. Не дай бог, случись что с этим Ивановым, и нет никаких сомнений в том, что гроб Бабановичу будет обеспечен... У таких людей, как Геннадий Степанович, говорящих по телефону о судьбе человека уверенным баритоном, всегда очень сильные и очень длинные руки... Самый лучший вариант, это никогда с ними не пересекаться. Они богаты, независимы, не обременены совестью и сомнениями и – флаг им в руки. Пусть живут и дальше богатеют. А Бабанович тоже будет жить, лечить своих несчастных пациентов, выбивать дефицитные препараты, ремонтировать крышу над вторым корпусом, и думать о замене устаревшей вентиляционной системы в хозяйственном блоке. Но вся беда в том, что иногда эти люди, при всех своих деньгах и власти, не могут обойтись без такого вот крохотного винтика, каким является для них Бабанович. И они в этих случаях не стесняются и правилами хорошего тона себя не обременяют: бесцеремонно берут этот примитивный винтик и на какое-то время вставляют в свой разладившийся по тем или иным обстоятельствам механизм. Не спрашивая разрешения, не согласовывая свои интересы с интересами винтика, они используют его на всю катушку, а когда он выполняет предназначенную для него роль, спокойно выбрасывают за ненадобностью.

И хорошо, если по истечении назначенного срока винтику назначается денежное вознаграждение. Это, считай, винтику крупно повезло. Очень повезло! Поскольку в арсенале вознаграждений у людей с напористым баритоном есть и кое-что посущественнее... Снайперская пуля, например, асфальтовый каток, городская свалка, услуги все той же фармацевтики, наконец. У них все годится в дело, что не оставляет следов... Раньше таких уверенных деяте-

лей на всю страну было не больше двадцати, и то, в основном, – среди уголовного мира. А сейчас в каждом городе – два десятка, и количество их растет пропорционально росту богатых людей. Никому из нашей правящей верхушки, денно и нощно пекущейся о благосостоянии своих ручных олигархов, даже в голову не приходит сопроводить рост банковских счетов лихих рвачей-толстосумов хотя бы минимальными моральными устоями. Рвите от жизни все и – обрящете, вот истинный девиз той болотной плесени, которая всплыла в России на основе питательной среды перестройки, ранней и поздней демократии, ну и, разумеется, путинизации всей страны... Как только расплатился господин Ельцин с первыми депутатами-прохиндеями бесплатными автомашинами «Волга» (боже мой, какая смешная цена за лояльное окопачивание народа на фоне современной системы оплат депутатского корпуса), так, по выражению Василия Макаровича Шукшина, и пошли черти в монастырь. И они таки пришли, засели, окопались, и никакая «Аврора» не в состоянии выбить их из краснокаменного монастыря, а добровольно они оттуда никогда не уйдут...

Потянулся Бабанович за штофом, налил себе привычную порцию в четверть стакана и выпил не спеша, вновь закусив долькой шоколада. Затем тяжело поднялся из кресла, подошел к окну и, отдернув штору, долго смотрел на заснеженный двор клиники, слабо освещенный редкими фонарями. Снежинки, проносящиеся в свете фонарей, показались ему елочной мишурой, щедро рассыпанной над городом, погруженным в ранние зимние сумерки. В больших, многоэтажных домах современной постройки, плотно окруживших двухэтажные строения клиники, спрятанные за двухметровым бетонным забором с колючей проволокой поверху, горели, словно в детском калейдоскопе, многочисленные окна самых разных цветов и расцветок. Преобладали, правда, почему-то предгрозовые красные тона, словно заранее предупреждавшие Бабановича о грядущей опасности...

Проблемы с Ивановым были. И проблемы – немалые. Но говорить об этом Геннадию Степановичу пока не стоило, и он не сказал. Мало ли какотреагирует заказчик с уверенным баритоном на совершенно случайно возникшую проблему. Может, конечно, и отмахнуться, типа – это ваши проблемы, а может и зачистку провести, и тогда под раздачу попадут все подряд: Бабанович, Ирина Семеновна, сам Иванов и – кто там еще? По списку! Нет, пока что подключать заказчика рано, хотя и кажется Бабановичу сложившаяся ситуация с Ивановым более чем серьезной...

Нет, не забыл Михаил Борисович разговор с Ириной Семеновной о снижении дозы снотворного подопечному из бокса номер один. Да и не умела, честно говоря, Ирина Семеновна врать. Дипломатия и вся прочая деятельность, связанная с интригами, умением говорить одно, а делать совсем другое, была явно не ее стихией. Именно по этой причине свою подпольную деятельность по спасению Иванова, как наверняка думала она, Ирина Семеновна провалила с первой же попытки. Не представляя всех трагических последствий своей деятельности, Ирина Семеновна самозабвенно и истово взялась за собственный курс лечения пациента бокса номер один. И, как вскоре понял Бабанович, этот курс не был щадящим, как можно было бы ожидать, увы, нет. Ирина Семеновна решила ни много ни мало полностью вывести пациента из наркозависимости... Благородная, конечно же, цель, продиктованная человеколюбием, гуманизмом и т.д. и т.п. Все это могло бы сработать лет тридцать назад, в бесславную эпоху развитого социализма, когда жили голодно, но в основном – честно, и клятва Гиппократова еще что-то значила в медицинском кодексе чести. Но сейчас, в наши дни – гуманизм и человеколюбие решительно не катят. Ни с какой стороны и никаким боком...

Главная проблема, которая тотчас встала перед Бабановичем, это понять причину, по которой Ирина Семеновна решилась на довольно-таки серьезный и опрометчивый поступок.

Конечно, он мог бы в одно мгновение решить эту проблему. Например, объявить ей дисциплинарное взыскание за нарушение лечебного режима, предписанного лечащим врачом, и следом – замечание по поводу минутного опоздания на работу. Этого вполне достаточно для того, чтобы строптивая старшая медсестра оказалась за воротами клиники. Но, во-первых, Михаил Борисович высоко ценил профессиональные качества Ирины Семеновны, во-вторых – явно симпатизировал ей, как человеку порядочному и честному и, наконец, в-третьих – за всей этой историей могли стоять не менее влиятельные и опасные люди, чем Геннадий Степанович. Просто их схватка за судьбу Иванова из светских и властных коридоров волею обстоятельств плавно перетекла в коридоры психиатрической клиники №1 города Номска... О том, что может быть еще один, основной мотив, за который Михаилу Борисовичу стоило бы поставить своей старшей медсестре самый высокий балл в шкале человеческих отношений, принятых между нормальными людьми, Бабанович и подумать не мог. О чем угодно – только не об этом...

Между тем Бабанович пристально и неотступно наблюдал за дальнейшим развитием событий, пока никак не вмешиваясь и не пытаясь хоть как-то скорректировать их. На что надеялась Ирина Семеновна, когда решила изменить курс лечения Иванову, он не понимал: ведь такому специалисту, как он, достаточно было одного взгляда на глазное яблоко пациента, чтобы понять состояние его психического здоровья. Как опытный практик и человек, не один год проработавший в клинике Бабанович, Ирина Семеновна не могла не знать этого.

После звонка заказчика, попросившего продлить курс лечения Иванову на две-три недели, надо было на что-то решаться. Оставлять все в прежнем состоянии становилось рискованно: как понял Бабанович, в этом вопросе Ирина Семеновна могла зайти слишком далеко. Скажем, помочь Иванову вообще покинуть клинику... От этого предположения мороз прошел по спине Бабановича, и он едва сдержал первый порыв – бежать на вахту и предупреждать охрану о повышенной бдительности. Нет, заходить надо было с другого конца – противоположного, это становилось совершенно очевидно, и Михаил Борисович медлить не стал.

Сразу после утреннего обхода всех палат и боксов, в повседневной жизни клиники так же неизбежного, как, скажем, восход солнца по утрам, Бабанович подчеркнуто официально обратился к Ирине Семеновне:

– Ирина Семеновна, будьте так добры, в одиннадцать часов зайдите ко мне...

– Хорошо, – вроде бы спокойно вскинула на него большие серые глаза Ирина Семеновна. Однако от Бабановича не укрылась явная тревога в глубине этих глаз. Мол, по какому поводу, ведь все задачи на текущий день поставлены во время обхода. Что-то случилось? Какие-то проблемы? При другой ситуации Бабанович обязательно бы пояснил причину, по которой приглашает к себе в кабинет старшую медсестру, но теперь он сделал вид, что не понял молчаливого вопроса Ирины Семеновны. Это даже хорошо, думал он, пусть поволнуется, поразмышляет...

Ровно в одиннадцать, предварительно постучав, порог кабинета переступила Ирина Семеновна. По своему обыкновению она вошла и замерла у дверей, готовая в любую минуту покинуть кабинет, чтобы заняться своими делами, которых, прямо надо сказать, у старшей медсестры клиники было предостаточно. Чаще всего так оно и происходило: Михаил Борисович давал короткое распоряжение, уточнял какие-то детали, о чем-то просил, и Ирина Семеновна легкой бабочкой выпархивала обратно за дверь. Так было раньше, но не теперь.

Выдержав намеренно длинную паузу, для чего Михаил Борисович вроде как углубился в деловые бумаги, он, наконец, поднял голову и, словно только теперь заметив старшую медсестру, с подчеркнутой любезностью сказал:

– Пожалуйста, проходите, Ирина Семеновна... Присаживайтесь, – он пристально, не мигая, посмотрел прямо ей в глаза, хорошо зная силу своего взгляда. – Разговор нам предстоит серьезный, – решил сразу брать быка за рога Бабанович. – Так что устраивайтесь удобнее...

Против его ожидания, Ирина Семеновна ничуть не смутилась, спокойно выдержала его взгляд, подошла к столу и села на предложенное ей место. И опять устремила на Бабановича безмятежной ясности серые глаза, всем своим видом давая понять, что она готова к любому разговору. В какой-то момент Михаил Борисович даже засомневался: а в самом ли деле более чем сносное состояние Иванова – дело рук старшей медсестры? Но, тут же и одернул себя: доступ в бокс номер один имели только он, Ирина Семеновна и медсестра Олечка, лишь два дня назад вернувшаяся на работу после отпуска по уходу за ребенком.

– Как дела, Ирина Семеновна? – осторожно начал разговор Бабанович.

– Нормально, – удивленно взглянула на него старшая медсестра. – Валентину Свинцову и Анастасию Кабышеву из четвертой палаты по вашему распоряжению готовим на выписку... Морозова уже перевели из третьей палаты во вторую, усилили контроль за соблюдением распорядка дня и режима питания...

– Хорошо, – движением руки Бабанович остановил служебный отчет Ирины Семеновны. – В ближайшем будущем нам надо будет продумать эвакуацию больных из второго корпуса. Видимо, придется уплотнить палаты в первом и временно занять комнату отдыха, ну и самых легких разместим в коридорах... А что делать? – Бабанович развел руки. – Ничего, потерпят... Возражающих и наиболее легких – переведем на дневной стационар.

– А что будет во втором корпусе? – удивленно вскинула тонкие брови Ирина Семеновна.

– Ремонт, – коротко ответил Бабанович, исподлобья глядя на старшую медсестру.

– Как! – не сдержала радостного порыва Ирина Семеновна. – Нам дали финансирование?

– Дали, – слегка крикнул от удовольствия Михаил Борисович, до предела довольный реакцией Ирины Семеновны. – В декабре и начнем ремонт... Подрядчики у меня есть, сидят без работы, так что с этой стороны – никаких проблем.

– Вот здорово! – Ирина Семеновна даже раскраснелась от волнения. – Мне кажется весной, когда начнет таять снег, перекрытия над вторым корпусом точно не выдержат... Там и так уже штукатурка с потолка на кровати сыпется... А в первой палате в углу все инеем покрылось и позеленело. Видимо, грибок.

– Кстати, вы Мурадова из этого угла перевели? – нахмурился Михаил Борисович, давший распоряжение об эвакуации больного.

– Конечно, перевели, – даже обиделась Ирина Семеновна. – Сразу после обхода...

– Вот и хорошо, очень хорошо, – Бабанович вновь уставился прямо в глаза Ирины Семеновны. – А теперь расскажите мне, Ирина Семеновна, как проходит реабилитационный курс Иванов из первого бокса?

– Иванов? – побледнев, переспросила Ирина Семеновна. – А... как он может проходить?

– Именно это я и хочу услышать от вас. И давайте – начистоту. – Михаил Борисович слегка усмехнулся. – А иначе у нас разговора не получится, и мне придется сделать соответствующие выводы...

2

На выпускном вечере Лера Осломовская, что называется, блистала. На ней было великолепное платье цвета берлинской лазури из натурального шелка с открытыми плечами и неровным, как бы изодранным на лоскуты, подолом. Белую шею Леры украшала длинная нитка морского жемчуга. В перламутровых босоножках на высокой платформе, с маленькими синими цветочками в шикарных волосах, падающих тяжелыми локонами на плечи, Осломовская была ослепительно хороша. Подруги млели от зависти, учителя тяжело вздыхали, мальчишки, почему-то все как один со слегка наметившимися усиками, стеснялись, неловко чувствуя себя рядом с Лерой. И лишь она одна, казалось, ничего не замечала, даже той странной особенности, что выглядела среди одноклассников значительно старше и опытнее. Посторон-

ний наблюдатель с небольшой натяжкой вполне мог бы принять ее за молоденькую учительницу старших классов. Было ли это следствием совершенно взрослого уже, дорогого наряда или же сказались на облике Леры бесконечные конкурсы красоты, фотосессии и интервью, в которых она принимала участие и с завидным постоянством побеждала, трудно сказать. Одно не подлежало сомнению – Лера Осломовская, всегда и во всем, кроме непосредственной учебы, чувствующая себя лидером, и на выпускном вечере оставалась им. Воспринимала свои победы Осломовская довольно спокойно, без выпендрежа, как данность. Но и умела поставить на место того, кто при ней вдруг забывал о присутствии Королевы. Первые места в городском, краевом и российском конкурсах укрепили в ней чувство собственного достоинства и превосходства над другими. С самого раннего детства уверенная в себе, в своей исключительности и неотразимой красоте, теперь она получила более чем красноречивые подтверждения этому, выразившиеся в солидной коллекции корон, дипломов и призов. При этом Лера каким-то чудом не теряла головы. У нее хватало ума, а вернее будет сказать – женской интуиции, довольно спокойно относиться к своим успехам. Она никогда не позволяла, например, унижать подруг своими победами. И если кто-то, слишком льстивый и, может быть, расчетливый, начинал при посторонних азартно, взяв восторг от ее несомненных достоинств, Лера Осломовская прерывала такого красноречивого совершенно просто и определенно:

– Закрой варежку, – презрительно щурясь, громко говорила она, и «варежки» тотчас прикрывали, не смея возражать или, тем более, обижаться на Леру.

При той сложившейся ситуации, в которой оказалась Лера Осломовская к выпускному вечеру, – богатый и влиятельный папа, первая красавица города Номска, она могла бы позволить себе многое. Ну, например, отречься от школьных друзей, с головой погрузиться в светские тусовки, найти себе во всех смыслах надежного покровителя... Лера этого не делала. И даже давая интервью на телевидение, всегда подчеркивала, что ко всему прочему она еще и ученица такой-то школы и такого-то класса, к тому же – не очень успешная. За это учителя ее боготворили, беззастенчиво выставляли завышенные оценки и сквозь пальцы смотрели на постоянные отлучки (сказать прогулы по отношению к Осломовской – язык не поворачивается) своей любимицы.

Конечно же, Лере Осломовской прочили блестящее будущее. Кажется, все театральные вузы и институты кинематографии страны заждались ее. Ну, в крайнем случае, модельеры Слава Зайцев и Валентин Юдашкин спали и во сне видели, как к ним на подиум торжественной поступью поднимается великолепная красавица из Номска. И полной неожиданностью, если не сказать – шоком для всех, кто ее знал, было известие о том, что Лера подала документы в местный педагогический институт. Лера Осломовская и школьный учитель – ничего нелепее нельзя было придумать. Впрочем, Лера всегда шла своим путем, и вся ее дальнейшая жизнь была лишь подтверждением этому неопровержимому факту.

А в тот памятный выпускной вечер ее долго не было в зале. Сережа Скворцов тоскливо мотался из угла в угол, молча пил шампанское с друзьями, молча отказывался от танцев, хотя девочки приглашали его наперебой. Но русоволосый красавец, метр девяносто три ростом, с великолепным разворотом широких плеч, породистым прямым носом и синими глазами, неприкаянный и одинокий без Леры Осломовской, никого не замечал, и от него вскоре отстали. Да и привыкли за минувшее десятилетие к тому, что он хвостиком мотался вслед за Лерой, ни в ком из одноклассников особо не нуждаясь.

Конечно, девочки вздыхали, жалея певчую птицу – Скворца, но ничего поделать не могли. И только Анечка Дикина, тоже красавица, смуглая, волоокая, с черной длинной косой и необыкновенно стройными ножками, как положила однажды на Сережу глаз, так уже и не отводила его. Так вот они и прожили несколько лет под одной школьной крышей: Сережа смотрел на Леру, Анечка – на Сережу и только Лера Осломовская – непонятно куда и на кого.

Толков и кривотолков по этому поводу было предостаточно, но если Сережу и Анечку все без исключения понимали, Леру – не понимал никто, даже учителя. В самом деле, за тобой ухаживает первый школьный красавец, круглый отличник, совсем не дурак и более того – не самолюбленный идиот, а ты нос от него воротишь. Где логика, где хотя бы элементарное объяснение этому школьному феномену? Более десяти лет, не считая детсадовский возраст, два очень красивых человека, казалось бы, просто созданных природой друг для друга, не могут соединиться хотя бы формально, для отвода глаз, и все по вине капризной и своенравной девочки, в чьих венах течет благородная, хотя и изрядно разбавленная кровь польских шляхтичей. И как тут не вспомнить «Тараса Бульбу» и его сына Андрея, а то и Гришку Отрепьева, в свое время тоже сраженных безответной любовью к гордым шляхтенкам. Но это так, к слову, поскольку наш рассказ о безответной любви еще весь впереди...

В какой-то момент Сергей, уже изрядно нахватавшийся шампанским, собрался уходить, поскольку невыносимо было и дальше оставаться одному среди веселящихся одноклассников, как вдруг перед ним возникла волоокая Анечка и, глядя неотступными глазами в его глаза, твердо сказала:

– Если ты сейчас уйдешь – я отравлюсь...

Шампанское моментально вылетело из головы Сергея, так как это был как раз тот случай, когда за словами незамедлительно следует действие. Он это понял сразу, всем опытом своих предыдущих жизней, поскольку семнадцатилетний опыт этой – вряд ли что подсказал ему.

– Анечка, Аня, – испуганно забормотал он, беспомощно оглядываясь на своих друзей, бурно крутящихся с девочками под звуки «Школьного вальса». – Что ты такое говоришь? Зачем?

– Это дамский вальс... Я тебя приглашаю... – Снизу вверх она смотрела на него серьезно и внимательно, готовая к любым действиям: легко закружиться в вальсе или пойти и наглотаться таблеток, заранее припасенных к такому случаю.

– Хорошо, Аня, хорошо, – стараясь говорить спокойно и внятно, ответил он ей, как совсем маленькой, неразумной девочке. – Я и сам хотел тебя пригласить...

– Врешь?! – боже, сколько надежды, отчаянной, заполошной, полыхнуло в черных омуты Аниных глаз, мгновенно отрезвивших Сережу еще раз: нельзя, ни в коем случае нельзя подавать даже малейшую надежду человеку, которого не любишь. Ведь он вцепится в эту, нет, не надежду даже, и не намек на нее, а просто легкий сквознячок, случайно пролетевший мимо надежды, вцепится, как утопающий за соломинку, и будет изо всех сил тянуть ее к себе до той поры, пока и тебя не утопит.

– Скажи, Сережка, ведь врешь же?

– Ну, вру, но не совсем, – они уже кружились вместе со всеми, и ритм танца неожиданно захватил Сергея, решительно сломав ту психологическую перегородку, которую весь вечер он так старательно и упорно выстраивал между собой и всеми остальными, что, казалось, ей сносу не будет...

– Серега! – кричит ему Генка Воробьев, рыжий до красноты и наглый – до одури. – Давай восьмерку крутить?!

– Давай! – принимает вызов Сережа Скворцов, и он – с Анечкой, а Генка – с Машей Водолазовой, до предела взвинтив темп, начали выписывать круги вокруг друг друга. Праздничные столы, торжественные лица учителей, школьный оркестр, красная трибуна в углу – все несло и улетало так, словно бы они мчались на тройке с бубенцами мимо ярмарки, где цыгане бились с деревенскими мужиками, которым всучили обпоенную самогоном старую кобылицу... Все, как настоящий праздник, как вход во взрослую жизнь, как выход – вообще из жизни... И посреди этого сумасшедшего кружения, в самом центре ярмарки, мелькнуло и вроде бы пропало смазанное вихрем движения белое лицо с необычайно расширенными синими глазами...

И эти глаза, как магниты, притянули внимание Сережи, буквально взорвали его новой вспышкой яростного веселья, так что Анечка уже даже и не кружилась с ним, а летала по воздуху вокруг Сергея.

Впервые за все минувшие годы он словно проснулся, увидел себя и Леру как бы со стороны, трезво оценил ситуацию и неожиданно понял, что принцип их отношений может быть несколько иным. Что ему совсем не обязательно веселиться тогда, когда весело Лере Осломовской, и впадать в уныние, когда у нее плохое настроение. Только теперь Сережу Скворцова осенило, что день за днем, за годом год подлаживаясь под ее настроение, следуя ее капризам, он и жил-то не совсем своей жизнью: просто он взял как бы займы на неопределенный срок Лерину жизнь, словно зонтик у приятелей в дождливый день, спрятался под него и, старательно обходя лужи, отправился в неблизкий путь – от детского садика – до выпускного вечера. Разумеется, он совсем не думал об этом, когда, увидев растерянную Леру, продолжил самозабвенное кружение с Анечкой среди прочих танцующих пар, это озарение свершилось помимо его воли, глубоко внутри его сознания, подготовленное бесчисленными часами предыдущих размышлений, ревности, горьких обид и вообще всей той нескладной жизни, которой он скучно проживал рядом с Лерой... И вот – свершилось, и его почти случайная партнерша по вальсу вряд ли имела к этому хоть какое-то отношение. Хотя... Кто из нас может знать, что и когда, кто и где повлиял на наше мироощущение в той степени, в какой изменилась после этого вся наша последующая жизнь...

Сила Лериного взгляда на бедную Анечку была, видимо, настолько сокрушительной, что она споткнулась и раз, и другой, счастливое выражение лица, с которым она без памяти кружилась с Сережей, смялось, как намочшая промокашка, плечи опустились, и Аня одними губами растерянно прошептала:

– Все-таки пришла, гадюка!

– Кто? – зачем-то спросил Сергей, прекрасно понявший, о ком идет речь.

– Твоя Лерка – кто же еще, – презрительно скривилась Анечка. – Что, сейчас к ней побежишь, да?

– Не побегу, а пойду, – они уже не кружились, а бестолково топтались посреди танцующих пар, и многие ребята это заметили, понимающе глядя на них и на застывшую возле директора школы Леру.

– А пригласить меня самому на танец слабо, да? – грустно улыбнулась Анечка.

– Почему – слабо? – не очень искренне удивился Сергей. – Обязательно приглашу...

– Классно танцуешь, Скворец, – небрежно сказала умопомрачительно красивая Лера, шикарная и чужая, словно модель с обложки богатого глянцевого журнала, когда Сережа подошел к ней. – А я и не знала, что ты у нас такой крутой танцор...

– Лерочка, красавица наша, – заворковала директор школы Ангелина Степановна, ежегодно получавшая на нужды летнего ремонта своего учебного заведения солидную спонсорскую помощь от Бронислава Леопольдовича Осломовского. – Я вынуждена временно вас оставить, но я еще обязательно к вам подойду. Хорошо, моя лапочка?

– Да-да, конечно, Ангелина Степановна, – рассеянно ответила Лера.

– Сережа, не оставляй Леру одну, – Ангелина Степановна погрозила коротким, полным пальчиком и плавно отплыла от них.

Была довольно продолжительная пауза, во время которой каждый из них попробовал примерить на себя те новые одежды в их взаимоотношениях, которые внезапно открылись в последние минуты. Увы, одежды были неудобны, жали сразу в нескольких местах, и вообще казались как бы с чужого плеча.

– Может быть, ты пьян, Скворец? – усмехнулась Лера. – На радостях перепил советского шампанского?

– Был, – честно ответил Сергей. – Был пьян, но протрезвел...

Помимо его воли – ответ прозвучал многозначительно. В нем было гораздо больше смысла, чем Сережа хотел и мог вложить в эти простые слова. Как бы сам собою ответ неожиданно сложился по принципу айсберга – когда подводная часть значительно больше надводной. Он-то этого совершенно не понял, не заметил, не обратил внимания. Зато – заметила Лера. Пристально и внимательно она посмотрела на него, что-то про себя решила, перевела холодный взгляд на веселящихся одноклассников, и спокойно сказала Сергею:

– Я предлагаю напиться еще раз... Но теперь уже вместе со мной...

Сережа удивленно смотрел на свою богиню, вдруг снизошедшую до такого низменного желания, и ровным счетом ничего не понимал.

– В чем дело, Скворец? – Лера решительно тряхнула головой, от чего роскошные бусы из жемчуга на ее длинной и тонкой шее брызнули во все стороны тускло мерцающими бликами, проникнув, казалось, и в самые дальние углы зала. – Срочно неси сюда шампанское и побольше!

Так и не решившись присесть, они стояли возле накрытого стола и молча пили шампанское, и напряжение, казалось, играло и поднималось со дна их взбудораженных душ, как пузырьки в бокалах. В какой-то момент Сережа почувствовал тяжесть в затылке: ему показалось, что на него положили пластиковый пакет со льдом, который охлаждал и обжигал кожу одновременно. Он резко оглянулся и перехватил тяжелый, остановившийся Анечкин взгляд, выразивший немой вопрос и снисходительное презрение. И такая сила была в этом взгляде, протянувшимся от Анечкиных глаз до Сережиных, что он невольно дернулся к ней, поставив полупустой бокал на столик.

– Куда, Скворец? – не поворачивая головы, тихо и зловеще спросила Лера.

– Я обещал пригласить Аню на танец, – было смешное ощущение того, что он как бы оторвал ногу от пола, собираясь идти к Анечке, да так и застыл с этой приподнятой в воздухе ногой.

– Стоять! – Лера кому-то улыбнулась, в знак приветствия пошевелив двумя пальчиками левой руки. – Стоять, Скворец... Взял шампанское, – медленно, с расстановкой, говорила Лера, – повернулся ко мне... Подошел ближе... Еще ближе... Не бойся, Скворец, я не кусаюсь... Еще, еще ближе... Вот так, – удовлетворенно сказала она, когда их колени соприкоснулись. – А теперь, медленно и спокойно, совсем как в кино, пьем на брудершафт... – Она ловко подвела свою тонкую правую руку под Сережину, дотянулась вытянутыми губами до фужера и выпила свое шампанское до дна... Подождала, пока Скворец, как всегда снисходительно звала она его, выпил свою порцию, и потянулась к нему влажными красными губами. А когда Сережа, неловко ткнувшись в ее сочные, пухлые губы, хотел было отстраниться, левой рукой крепко взяла его за затылок, легко притянула к себе и поцеловала долгим, чувственным поцелуем.

Когда они оторвались друг от друга и Сережа, не смея поднять глаз, отступил на шаг, все еще держа в руке легкий, пустой бокал, вдруг раздались дружные аплодисменты. Казалось, вся школа собралась вокруг них и восторженно наблюдала за поцелуем, вся – кроме одной пары глаз, растерянных и несчастных, на которую, кстати, в эту минуту никто не обратил внимания...

– И вот что, Скворец, – торжественно, громко, словно никого не было рядом, заговорила Лера Осломовская, – если я еще раз хоть где-нибудь, хоть когда-нибудь увижу тебя с ней... Скворец, ты об этом очень сильно пожалеешь...

3

Снег выпал и остался лежать на мерзлой земле. Не каждый год так бывает. Случается, что и по три-четыре раза выпавший снег собьет с толку людей, особенно – ребятишек с санками и лыжами, дружно высыпавших утром прокатиться по первому снежку, а к обеду поднимется западный или юго-западный ветер и снега – как ни бывало. Лишь остаются грязные лужи в глубоких автомобильных колеях, да звонкая капель, падающая с шиферных крыш, совсем не радующая никого, как это обычно бывает весной.

Иван Иванович Огурцов стоит у кухонного окна, смотрит на необычайно светлый, заснеженный двор, и легонько барабанит пальцами по столешнице.

– Ваня, перестань стучать! – кричит ему из гостиной комнаты Матрена Ивановна. – Ну что ты так переживаешь, право слово? Так тебя, милый мой, надолго не хватит...

– И чего он не объявляется, паразит, я никак не пойму? – глухо ворчит Огурцов, на несколько минут оставив столешницу в покое. – Я же Люське все самым подробным образом объяснил – что и как надо делать... Ну, что здесь непонятного, а? Он ждет, чтобы приехали и повязали? Ну, так дождется, что приедут и повяжут... И явка с повинной просвистит мимо него, понимаешь, как кукушка мимо гнезда...

Иван Иванович отрывает взгляд от окна, смотрит на настенные ходики с кукушкой, криво усмехается и идет к Матрене Ивановне, вяжущей на спицах шерстяной носок.

– Успокойся, Ваня, – говорит жена. – От того, что ты здесь сердце себе надрываешь, ничего не изменится. Он парень взрослый, армию отслужил, сам поймет – что к чему...

– Он-то поймет, – шумно вздыхает Иван Иванович, – а вот следовательно может и не понять. Повезло, что Виктор Горохов вести следствие назначен... Он у меня на практике был, парень хороший, совсем еще молодой, но ведь и у него сроки, – опять вздыхает Огурцов, наблюдая за тем, как мелькают спицы в проворных руках Матрены Ивановны. – Он и так нам с Николкой пару лишних суток подарил, а это в нашем деле, знаешь ли...

– Да уж знаю, знаю, можешь не рассказывать, – косится на переживающего мужа Матрена Ивановна. – Колька, он же шепутной, у него на дню – семь пятниц... Пообещал, а потом передумал, может такое быть?

– Как это – передумал? – нахмурился Иван Иванович. – Как – передумал! Он же не куль картошки со своего огорода пообещал, а потом передумал давать... Сама говоришь, что он уже не маленький, должен за свои слова отвечать... А то ведь я могу и наряд вызвать, они быстро и найдут, и наручники оденут. Только тогда он в суде совсем по другой статье пойдет, и будет ему светить не пять лет, а вся десяточка... Передумал он...

– Да это же я так, к слову сказала, чего ты взвился-то? – построжала голосом Матрена Ивановна. – Придет он, куда денется... Страшно парню, это же понятно... А от Люськи оторваться, когда до свадьбы считанные дни остались, легко ли?

– Об этом ему раньше надо было думать, когда за нож схватился, – недовольно ворчит Огурцов, меряя комнату шагами. – Больно смелые все стали, чуть чего – за ружья и ножи хватаются, совсем не думают о последствиях. Известно, дурное дело – не хитрое... А почему бы вначале словами не попробовать объяснить, тебе же для этого язык даден? Поговорить, разобраться во всем. Смотришь, проблема-то и рассосалась бы, и ножа там или двустволки никакой не надо. Так ведь?

– Да так, конечно, так, – вздыхает Матрена Ивановна.

– Нет, нож в руку и – на человека... Кто ему такое право дал? Он когда это вдруг решил, что ему можно? Всем нельзя, а ему – можно! Тоже мне, Наполеон нашелся...

– Ну, Ваня, не кипятись! – слегка повысила голос Матрена Ивановна. – Хватит, один уже лежит в Малышево с инфарктом, ты следом за ним хочешь?

– А-а, – махнул рукой Иван Иванович, – ничего я уже не хочу...

И в это время громко затрещивал в прихожей телефон. От неожиданности они оба вздрогнули и переглянулись.

– Ну и вот, – с облегчением вздохнула Матрена Ивановна. – А ты переживал.

Положив планшет на стол, Иван Иванович молча уставился на переминающихся у порога Николку с Люськой. Надо сказать, что с той поры, когда видел Огурцов Николку в последний раз на кордоне у Михалыча, он сильно изменился. Запавшие щеки и без того худощавого лица, низко опущенные плечи, затравленный взгляд – все говорило о том, что внук Михалыча находится в крайней депрессии. Куда подевались раскованность движений, задорный блеск в глазах, вечная готовность ввязаться в любую ситуацию, если она хоть как-то задевает самолюбие Николки... Все это испарилось, выветрилось из него буквально за два дня, и Огурцов прекрасно понимает, что если оставить парня в таком состоянии – он легко может сломаться при первой же серьезной ситуации. А они, ситуации эти, предстоят ему теперь на каждом шагу. Именно поэтому он не стал упрекать Николку в медлительности и вообще повел себя так, словно ничего не случилось.

– Ну и что вы там, в дверях, застряли? – добродушно спросил Иван Иванович, грузно усаживаясь за свой изрядно обшарпанный стол, и открывая тяжелую дверку сейфа. – Проходите, садитесь... В ногах, сами знаете, правды нет.

Люська с Николкой переглянулись и дружно опустили на стулья. При этом Иван Иванович заметил, как Люська быстрым, коротким движением стиснула руку своего непутевого жениха... Молодец, девка, не бросила Николку в трудную минуту, не отдалась занятостью на работе или головной болью. Такая, пожалуй, дождетя его из мест не столь отдаленных. А мы все ругаем молодых, мол, все они не так делают, не по нашенски...

Так думал Иван Иванович, между делом приготовив лист бумаги и шариковую ручку. Затем он вынул из планшета чистый бланк протокола и свидетельские показания городских охотников, снятые еще на кордоне. Освободив один угол стола от деловых папок, Иван Иванович пригласил Николку:

– Бери стул и пиши явку с повинной. Мол, признаю себя виноватым в том-то и том, произошедшем тогда-то и там-то... Укажи точный адрес, время и причину, по которой ты совершил... – Огурцов запнулся, но затем твердо договорил: – совершил убийство Ромашова Анатолия Викторовича... Пиши, пиши, я тебе буду подсказывать по ходу...

Когда явку с повинной оформили и Николка с облегчением перевел дыхание, вытирая рукавом взмокший лоб, Иван Иванович, внимательно перечитывая коряво исписанный косыми строчками листок бумаги, сказал застывшей на стуле Люське:

– А вот теперь, Люся, подожди нас за дверью, – и, увидев, как испуганно метнулись ее глаза на Николку, добавил: – Там стулья есть, посиди пока... А вообще, моя хорошая, запасайся терпением, придется тебе своего суженого немного подождать.

– Сколько, дядя Ваня? – поднимаясь со стула, робко спросила Люська.

– Это не я определяю, – нахмурился Иван Иванович. – В суде решат... Но, думается мне, лет на пять-семь надо рассчитывать... Ну, а там могут и скостить за хорошее поведение, это уже от Николки будет зависеть, от того, как он любит тебя...

Николка с Люськой переглянулись, и Огурцов физически ощутил, как неумолимый психологический зажим неизвестности, сковавший Николку с момента убийства, отпустил его, милосердно освободив из-под своего тяжелого пресса.

– Ну, ступай, Люся, ступай, – попросил Иван Иванович. – У вас еще будет полчаса на прощание, а мне надо протокол дознания оформить, а то не успею...

Люська всхлипнула, тронула Николку за руку и молча вышла за дверь.

После небольшой паузы, которую Николка употребил на осмысление услышанного от участкового инспектора, Иван Иванович задал первый вопрос:

– Итак, Николай, расскажи мне подробно, где ты взял кинжал, которым совершил преступление, и как он выглядел? Не упускай ничего, никаких мелочей – лишнее я сам уберу... Договорились? – Огурцов пристально посмотрел на Николку, потом ободряюще улыбнулся и взялся за шариковую ручку.

– Я свой охотничий нож, который мне дед подарил, у Люськи вместе с рюкзаком оставил, – начал рассказывать Николка, вертя в руках теплую кожаную фуражку с наушниками. – На охоту, да еще на зверя, сами знаете, дядя Ваня, без ножа никак нельзя... И вот когда я мимо «Прадика» проходил, что во дворе у нас стоял, я заметил, что задняя дверка у него приоткрыта. Я подошел ее закрыть и увидел рукоятку кинжала...

Николка рассказывал подробно, старательно, в некоторых местах делал небольшие паузы – вспоминал, как оно все было на самом деле. Видно было, что он и сам хочет во всем разобраться, что-то главное прояснить для себя. Описывая, как выглядел кинжал, Николка неожиданно сказал:

– А вообще, дядя Ваня, он странный какой-то... Лезвие у него очень необычное, с изгибами...

– Сколько их, ты посчитал? – уточнил Иван Иванович.

– Не-а, мне некогда было... Я же как взял, так деда меня сразу на место загона повел, а еще темень такая стояла – ничего не видно... А потом мне и вообще не до ножика стало, будь он неладен... Какой-то он, дядя Ваня, – Колька замялся, подыскивая нужное слово, но, видимо, не нашел, потому что безнадежно махнул рукой и закончил: – нехороший, подозрительный, ножичек этот...

– И чем же он тебе показался подозрительным? – заинтересовался Огурцов. – Постарайся рассказать об этом подробно.

– Он в руку ко мне как лег, так словно к ней и прирос, – рассказывает Николка. – Знаете, дядя Ваня, мне показалось, что это не нож у меня в руке, а сама рука моя выросла и стала длиннее. – Колька задумался, напряженно сведя брови к переносице. – Я его отдельно от руки вообще не чувствовал, понимаете? Он и я – одно целое... Даже не знаю, как это объяснить...

– Получается, что клинок этот, из «Прадика», совсем даже не простой? – задумчиво спросил Огурцов.

– И какой-то страх у меня был от него до самой последней минуты, – вздохнул Николка. – Я словно заранее знал, что с этим ножом обязательно что-то случится... Было у меня такое чувство, дядя Ваня, честное слово...

– А ты вот ветки в мой большой палец толщиной срезал этим ножом, и не у ствола, а в середине, где ветка под ударом гнется, пружинит... Такую ветку и топором не вдруг срубишь, а у тебя срез, как от бритвы получался... Это как ты так наловчился? – с искренним интересом задал очередной вопрос Огурцов.

– Острый он больно, дядя Ваня, острее бритвы, однако... Знаете, я лезвие ногтем только тронул, а вот, смотрите, – Колька привстал со стула и показал свой срезанный ноготь.

– Да-а, незадача, – задумчиво проговорил Иван Иванович. – Угораздило же тебя на него наткнуться. Пошел бы без ножа и ничего бы не случилось... Забыл свой, ну и забыл... Там, поди, все охотники с ножами были.

– Я об этом, дядя Ваня, уже сто раз подумал, – грустно ответил Николка. – И дверка «Прадика», в самом деле, как нарочно была открыта... А мне так хотелось посмотреть, как там, внутри, вот и посмотрел...

Скрипнула дверь, в образовавшийся проем просунулась Люськина голова, встревоженные глаза вопросительно уставились на Огурцова.

– Подожди, Люся, подожди, – махнул ей Иван Иванович. – Мы уже заканчиваем...

Люська перевела горячие глаза на Николку, тяжело вздохнула и прикрыла дверь.

– Ну и, может быть, самое главное, – Иван Иванович отложил ручку и посмотрел на Николку тем особенным взглядом, про который Матрена Ивановна с усмешкой говорила: «Что, Ваня, в тебе мент проснулся?» Может и не мент, а вот докопаться до истинной причины Колькиного поступка – ему очень хотелось. – Я хочу знать, Николка, почему ты, нормальный парень, без пяти минут – глава семейства, пошел на убийство? Застрелили Яшку... Понятно, жалко его стало, ты ведь год назад из соски его кормил... Это мне понятно. Но не человека же за это убивать, Николка! Это же охота на зверя была, законная охота, между прочим, по лицензии, и кто под выстрел попал – того и положили... Ты же у деда на кордоне с малых лет обитал, знаешь все это не хуже меня... Так почему у тебя, Николка, рука на человека поднялась? Вот что я хочу понять...

– А я знаю, – тяжело вздохнул Николка и грустно посмотрел на зарешеченное окно. – Мне бы самому кто это объяснил – я бы ему большое спасибо сказал... Честное слово, дядя Ваня, сам ничего не пойму... Да и помню я об этом как-то смутно, словно все это не со мной было или во сне... Я почему и побежал тогда: мне казалось, что чем дальше я убегу, тем быстрее это наваждение кончится... Я ведь все по минутам могу рассказать до того момента, когда выстрелы услышал, а чуть раньше в ту сторону Яшка ломанулся... А вот после выстрелов мне только и запомнилось, что я куда-то бежал и как-то странно, опять же, бежал... Меня словно какая-то сила вперед волокла, а я лишь ноги переставлял, и то не поспевал за той силой...

– Вот-вот, – встрепенулся Иван Иванович, не сводя с Николки глаз. – Мы с твоим дедом два раза на коленях по тем следам, что ты оставил, проползли... И знаешь, что нас больше всего удивило? Перед тем, как Ромашова ножом ударить, ты, похоже, по воздуху одиннадцать метров и семь сантиметров пролетел...

– Как так? – удивленно выпучил глаза Николка.

– А так, – развел руки Иван Иванович. – Хорошо видно, где ты оттолкнулся ногой, там мох с камней сорван, и где приземлился – каблуками сапог ты две кучки моховой подстилки наскреб. Получается так, что ты вроде как тормозил, чтобы Ромашова с ног не сбить. Это что же, инерция у тебя такая была? А, может быть, ты прыжками в длину с детства увлекаешься? Рекорды ставил, а?

– Да что вы, дядя Ваня, – невесело усмехнулся Николка. – Прыгал только в школе, на уроках физкультуры, метра на два – не больше... А одиннадцать – так и олимпийские чемпионы не прыгают.

– Не прыгают, – подтвердил Огурцов. – Я проверил... Разве что тройным. А ты вот – прыгнул. Почему?

– У меня что еще в памяти осталось, – наморщил лоб Николка. – Только не думайте, дядя Ваня, что я с роликов скатился или вину с себя хочу свалить... Нет, честное слово, тут другое... Мне показалось, что этот проклятый кинжал меня за собой тащил. Вот вы говорите, а я даже не помню, как ветки рубил, и как того охотника ударил – тоже не помню... Помню, что Яшку погладил, что нож в карман спрятал, а потом я уже на мотоцикле мчусь на станцию к Люське... И дальше – все хорошо помню, опять по минутам могу рассказать...

– Мне бы на этот кинжал взглянуть, – задумчиво проговорил Иван Иванович. – Может, я что-то и понял бы... Ты куда его дел-то? В лесу и на кордоне мы его не нашли...

– А я о нем только в поезде вспомнил, там и оставил, – и Николка подробно рассказал, где и как он оставил кинжал в поезде.

– Вагон, в котором ехал, помнишь?

– Да... Вагон номер четыре, туалет рядом со служебным помещением... Чистый такой, аккуратный, я еще удивился – никогда таких в поездах не видел.

– Ну и ладно, Николка, – вздохнул Огурцов, пряча подписанный протокол в планшет. – Пока достаточно... У тебя, – он взглянул на ручные часы, – есть еще полчаса. Можешь там, в

коридоре, со своей Люськой пообщаться... И запомни – жизнь на этом не заканчивается. Все проходит – пройдет и это. Ты же в армии служил, знаешь, что жить человеком можно везде... Даже – в лагере. Поэтому наберись терпения и не паникуй. Договорились?

– Договорились, – с явным облегчением ответил Колька. – Так мне, дядя Ваня, к Люське-то можно сейчас?

– Конечно, можно, чудак-человек, – улынулся Иван Иванович. – И договаривайся с ней, пока время есть, чтобы она тебя ждала... Хорошая деваха, – ты за нее покрепче держись...

– Спасибо, дядя Ваня, большое спасибо вам за все! – у Николки повлажнели глаза.

– Ступай, Николка, ступай, а то время-то тикает. Вот-вот следак из райцентра подъедет...

Он и так нам с тобой два дня простил, спасибо ему большое...

И долго смотрел Иван Иванович на плотно притворенную Николкой дверь. Трудно складывалась судьба у Николки, но Огурцов почему-то верил, что парень не сломается, не потеряет себя, тем более, что есть у него Люська, на которую, по всему видно, ему можно положиться.

4

«Светка, ты думаешь, я так и буду терпеть твои припадки? У меня ведь тоже терпело может кончиться... Я что, в своем офисе теперь должен прописаться на постоянное жительство, что ли? Так меня не только с этого жительства, а и с работы запросто попросят. Ты хотя бы это понимаешь? А с работы попросят – в том числе и тебе мало не покажется. Не только про дубленку, но и про отпуск на Капри можно будет забыть и больше не вспоминать... Я же тебе нормальным языком говорил и говорю, что подсунули мне эту подлую резинку с запиской, как ты этого не понимаешь? Специально подсунули, чтобы семью нашу развалить, а ты и рада стараться. Я что, на сумасшедшего похож, чтобы такую дрянь специально домой тащить? Ладно, Светка, больше я на эту тему говорить не буду. Надоело. Решай сама, как ты дальше жить собираешься. Вадик».

Перечитав эсэмэску, Вадик обиженно засопел и посмотрел на часы – было без пятнадцати минут семь часов вечера. Ранние сумерки уже давно опустились на город, и лишь недавно выпавший снег, пока еще чистый и пушистый, ровным белым сиянием стоял за окном. Вадик нажал на кнопку, и его эсэмэска понеслась над заснеженными домами, улицами и перекрестками, прямо к его дому, по которому, надо сказать, он уже изрядно соскучился. Ведь пошел четвертый день, как он переселился в свой офис. И если первые три дня, самые тяжелые и безнадежные, он тупо провалился на служебном диване, то сегодня, наконец, встрепенулся и сам себе твердо сказал – хватит! Это решение особенно окрепло после того, как он заглянул в пустой холодильник. В самом деле, не помирать же с голода в ожидании, когда Светка перебесится и позовет его домой. Она-то, небось, тот говаяжий язык до сих пор лопает и салатом из кальмаров закусывает... Нет, так дело не пойдет, так – вообще не катит... Он тоже нормально поесть имеет полное право, а потому сегодня у него – ресторан! И хороший, ну, просто очень хороший шмат мяса, какой-нибудь бифштекс с кровью, и триста грамм водочки под него он себе обязательно закажет. А что – легко! А Светка пусть еще один язык сварит, потом на сливочном масле обжарит и съест, он – не против. Он – не жадный. Только куда вот такое раздельное питание и проживание может завести – он не знает, и в данный конкретный момент – знать не хочет. Раз Светку это никак не колышет, раз она не догоняет, чем дело может кончиться, ну, значит, так тому и быть. Лично он ничего такого не хотел и никогда не планировал...

Вадик тщательно намыливает щеки, подбородок, внимательно рассматривая в небольшом круглом зеркале смуглую, смазливую физиономию синеглазого брюнета, брошенного жестокой Светкой на произвол судьбы. Да стоит ему только... Но тут Вадик спотыкается в своих приятных размышлениях, неожиданно вспомнив казаков-разбойников, их прикольный привет, и все то, что из этого получилось...

«Вот, паразитки! Вот, сучки! – добродушно ухмыляется Вадик. – Это они мне подсунули, пока я утром под душем отмокал... То-то они все утро ржали, как молодые кобылки, пока его в дорогу собирали. А он-то, он – как лоханулся! Ну, только попадитесь вы мне, я с вас, сопливые путанки, три шкуры сниму...»

Но знает Вадик, уже сейчас – твердо знает, что ничего, кроме трусиков, он с них снимать не будет. Хохма есть хохма и эта – ничуть не хуже других, и что тогда обижаться, виноватых искать. Если сам сдурковал – сам и отвечать должен...

Натягивая свежую рубашку, Вадик неожиданно наткнулся взглядом на клинок, мирно дремавший в ножнах за стеклом книжного шкафа. Заправив рубашку в джинсы, он открыл створки шкафа и взял свою странную находку в руки. И все благодущие с Вадика тут же слетело: он вдруг почувствовал малопонятную, но явную тревогу, как-то неуютно ему стало, словно бы за его спиной два реальных пацана договаривались ему морду набить. Медленно и плавно он потянул клинок из ножен, в который раз удивляясь плавным изгибам кинжала, напоминающим морские волны. Да и сама поверхность этого клинка, изготовленного, похоже, из дамасской стали и покрытого ассиметричными пятнами, в сочетании которых отчетливо просматривался силуэт человека, чем-то неуловимо напоминала поверхность океана в солнечный день. Число изгибов, (так и хотелось думать – волн) равнялось семи. В самом клинке, рядом с рукоятью, были сделаны два небольших углубления, отливающих вороненым блеском внутренней части охотничьего ствола. Вадик удобнее перехватил рукоять кинжала: большой и указательный пальцы сами собой легли в эти ямки, и он с удивлением почувствовал, что его правая рука стала как бы длиннее как раз на длину клинка, а сердце учащенно застучало, забило в груди, словно бы какая-то серьезная опасность угрожала сейчас ему. И так все это было реально, серьезно, – сердцебиение и страх перед чем-то неведомым, – что он поспешил задвинуть клинок в ножны и с облегчением перевел дух. Что это было и было ли вообще – Вадик не стал на эту тему заморачиваться, а сунул кинжал в ножнах на прежнее место и прикрыл стеклянные створки. Бог с ним, кинжалом: лежит он себе на полке, никого не трогает, ну и я его не буду трогать...

Современный российский ресторан отличается от советского ресторана так же, как, скажем, тихоокеанская сельдь – от озерного пескаря: хотя и усатого, но – совершенно непрезентабельного на вид. Работа любого советского ресторана была тщательно отлажена и функционировала, как любое прочее советское учреждение: покушать можно было строго по меню – в обед борщ, рассольник по – ленинградски, куриный бульон с лапшой и в летнее время непрерывная окрошка, на второе – котлета по-киевски, шницель с яйцом и говяжий гуляш, закусь предлагали обильными порциями салатов «Столичный», «Дальневосточный», «Овощной» с майонезом, да еще папоротником с яйцом. Могли быть, разумеется, отклонения – на одно блюдо меньше, на два – больше, но это не принципиально. (Дорогие и безусловно уважаемые мною гурманы, речь здесь идет только о сибирских и дальневосточных заведениях общественного питания. О столичных ресторанах, типа «Метрополь» и «Дубовый зал» в Доме литераторов, или курортных ресторанчиках с шашлыками по-карски, люля-кебабами и жареными на вертеле барашками, мы поговорим в другой раз и в другом месте.) Сегодня ресторанов в стране столько, а конкуренция между ними – такая, что Камчатские крабы, французские лангусты, Приморские трепанги, акулы плавники и мясо кенгуру из Австралии, баранье седло из Аргентины, свинина из швабской провинции, сыры из Швейцарии, вина из Португалии и Чили – все это и многое другое вполне может оказаться в самых простеньких ресторанчиках... Не буду говорить «за качество» и «осетрину первой свежести» – это не моя компетенция, но то, что в ресторане «Сибирский охотник» вы можете заказать черноморскую кефаль и омаров из Южной Кореи или суши по-японски – отвечаю. Все это есть, все это завозится или изготавли-

ется на месте – не важно. Важно совсем иное: самые разнообразные деликатесы, в одночасье обрушившиеся на ни в чем не повинных русских людей, в очередной раз доказывают всю безмозглость и примитивность советского существования, при котором выжившие из ума старцы, от рождения кастрированные почти на все мозговые извилины, не могли сделать самого элементарного – накормить свой народ.

Вадик вошел в ресторан и полной грудью вдохнул в себя ни с чем не сравнимый запах хорошей пищи, чистых, накрахмаленных скатертей, прочной мебели из хорошего дерева, дорогих духов и изысканных дезодорантов. Он с головой погрузился в атмосферу мужского азарта, женского кокетства, алчности официантов и тихой грусти выглядывающих из кухонных дверей людей в белых колпаках... После легкого мороза, скрипа первого снега под зимними башмаками, и подернутых пленкой инея стекол витрин, вид хорошо, а то и изысканно одетых людей, массивных куриных ножек а-ля гриль или же тупых, словно обрубленных, голов озерных сазанов и прудовых карпов, безвинных крылышек перепелов на подносах официантов, звон бокалов и тонкое пение фужеров с красным французским шампанским, вызывают в Вадике нетерпеливый озноб и стойкое предвкушение праздника, который хотя и не всегда с тобой, но – вот он, рядом, достаточно поднять руку и щелкнуть слегка озябшими с мороза пальцами.

Нет, надо чувствовать, хорошо понимать ресторанную жизнь, чтобы одним взглядом охватить просторный зал с темными шторами, оркестровую сцену, где отпетые лабухи уже продувают мундштуки духовых инструментов, двигают стулья, переставляют попитры; притворно равнодушных к окружающему миру дам, брезгливо потягивающих минералку, а в туалетной комнате торопливо глотающих из шкаликов дешевой коньяк; уважаемых мужиков в тройках, жадно и беспорядочно насыщающихся, чтобы потом не отвлекаться на эти глупости; толстенькую рыжую певичку, в ленивых зевках широко растягивающую резиновый рот; стройненьких официанток, жутко накрашенными глазами оценивающе оглядывающих свои столики, охватить все это взглядом и понять, что сегодня ты здесь и только здесь – придется ко двору...

– Прошу вас сюда, за этот столик, – широким жестом приглашает Вадика смазливая официантка в коричневой униформе, которая плохо контрастирует с ее белым, перепудренным лицом, от чего девочка слегка напоминает старую, давно вышедшую из употребления гейшу. Нет, спасибо, милая, оказаться в центре зала Вадик никогда не мечтал. Вадик хочет так, чтобы видеть всех, а самому оставаться в тени. О, выбрать место в ресторане, правильное место, это почти половина того удовольствия, которое ты ожидаешь здесь получить. А Вадик на это очень рассчитывает, на удовольствие, а потому лишь молча улыбнулся гейше.

Вот здесь, в уголке у окна, и обязательно подальше от лабухов, чей азарт на денежные заказы и, одновременно, звучание музыкальных инструментов неизбежно растут с каждым часом, и к концу вечера по звуковым децибелам достигают уровня паровой сирены или низко над головой пролетающего самолета... Именно за этим столиком Вадик легко разглядит не только крохотную площадку, свободную от столиков, где будут тусоваться похотливые дамочки, танцевальными па выражая свои сексуальные надежды, но и входную дверь с усатым швейцаром, через которую в течение вечера входят полные надежд и перезрелых гормонов добропорядочные граждане, сразу за порогом ресторана превращающиеся в опытных охотников и охотниц. О, эти слегка приопущенные веки, презрительно поджатые губы, выражение вселенской скуки, равнодушно ссутуленные плечи, что же с вами будет через пару часов, куда все это подевается? Удаль, бойцовский азарт, взбухшие, как свежая опара, груди, дерзкий огонь в широко распахнутых глазах, опасные для окружающих и мебели движения, трубные вопли, по своей силе заглушающие иногда даже музыкальные инструменты – вот что будет предьявлено через пару часов стороннему наблюдателю... И очень важно, чрезвычайно

важно, уловить именно тот момент, когда пора отрывать задницу от нагретого стула, отбрасывать в сторону крахмальную салфетку, и решительно, с головой, погружаться в горячий, наваристый бульон человеческих страстей и вождлений. Когда и как ты вынырнешь из этого бьющего ключом бульона, попутно прихватив с собою некую биологическую субстанцию, под завязку набитую сексуальным вождением, необыкновенными претензиями и грубым житейским расчетом – будет зависеть от того, под каким знаком зодиака ты рожден, и как туго набит на сегодняшний вечер твой кошелек. Нет, выбор столика в ресторане, дорогой читатель, не стоит недооценивать, поскольку по другую сторону вышеозначенного выбора неизбежно окажется вселенская скука, недоброежелательные взгляды взвинченных официантов, нудный подсчет причитающихся чаевых, которые, увы, почему-то всегда кажутся чуть ли не больше основной суммы предложенного вам к расчету чека.

Читать меню – тоже искусство, доступное далеко не всякому человеку, вдруг решившему расстаться с парой сотен долларов. Великий маг и чародей, одновременно с этим – инквизитор и палач, его величество цензор советских времен, выучивший граждан великой страны от Калининграда и до Владивостока читать между строк, не обошел своим вниманием и ресторанную отрасль. Как иначе объяснить то удивительное обстоятельство, что читаем в меню мы одно, а заказываем в результате – другое. О, эти чуткие, осторожные суфлерские подсказки ушлых официантов: «Я бы вам не советовал», «А не хотели бы вы?», «Могу вам подсказать», – словно опытные лоцманы через тесный Панамский канал, ведут они нас по хитроумным ресторанным ходам и сообщениям, чтобы в результате привести точно к тому блюду, которое в данный момент шкварчит и подрумянивается на кухонной плите. И вы таки заказываете себе эскалоп, даже не подозревая, что этот продукт, поименованный парным и чудесным, хрюкнул в последний раз месяца два назад и за несколько тысяч километров от кухни вашего ресторана... Ну, да бог с ним – не в пище, в конце концов, счастье. Оно, скорее всего, в скромной худенькой девочке-женщине с короткой стильной прической и элегантными очками-хамелеонами на долговатом носике, вроде бы случайно скромно присевшей за соседний столик в полупустом зале.

Ах, эти одинокие ловцы вечернего, ресторанного жемчуга, спрятанного в раковины строгих костюмов, джинсовых курточек, шерстяных джемперов и кожаных жилеток. Как хорошо знакома Вадиду ваша ленивая истома кровожадной акулы, притаившейся за крохотным коралловым островком, то бишь – ресторанным столиком, в ожидании жирного, аппетитного тунца, нагулявшего свои финансовые тела на тучном планктоне нефтегазовых полей или лесоморепродуктах... Как изобретательны и проникательны вы, лениво потягивающие белое «рейнское» винишко, взятое у знакомой официантки в долг до той вечерней поры, когда жирный, отменно раскормленный тунец, насквозь пропахший самым обворожительным и притягательным запахом – запахом дензнаков, затрепыхается, наконец, как бабочка в сачке, в акульях зубах...

Случайно упавшее на пол меню и, разумеется, по чистой случайности упавшее именно с той стороны, где сидит Вадик, это как кусок кенгурятины на крючке, опущенный в сельву Амазонки, кишашей крокодилами. И – неловкое движение девочки-женщины, однако строго продуманное и просчитанное, и следом как бы попытка поднять карточку самой, которая, увы, с первого раза не дает результата... Наконец, беспомощно поднятое вверх лицо, просто умоляющее спасти ситуацию, подать это разнесчастное меню со списком не существующих в природе блюд, растерянной и милой соседке, искусно рядящейся сегодня под девочку-женщину – на любой угодный вам вкус...

– Ах-ах-ах! – благодарю вас! – кудахчет эта зоркая курочка, клюющая хоть и по зернышку, но всегда остающаяся сытой.

– Ах-ах-ах! – ничего не стоит! – квакает, посаженный на крючок тунец, широко разевая и закрывая рот – явный признак уже наступившей поры брачных игр.

Стоит и еще как стоит, хорошо понимает Вадик, внимательно ощупывая взглядом девочку-женщину, вновь скромно опустившую личико со спрятанными за стеклами очков-хамелеонов темными полукружьями под глазами от бурно проведенной ночи.

Глава третья

1

В принципе, Ирина Семеновна ждала этого разговора и, по большому счету, полной неожиданностью он для нее не стал. С самого начала она понимала, что провести Михаила Борисовича вряд ли удастся, слишком опытным и хорошим специалистом он был. Но теплилась маленькая надежда на то, что Иванов – проходной пациент бокса номер один, и Бабановичу глубоко безразлично, в каком состоянии он поступил и в каком – выпишется. Сколько таких случаев у них уже было: пересидит очередной Иванов две-три недели в боксе, выйдет на волю, а потом вдруг узнаешь, что это – преуспевающий бизнесмен, торгующий дорогими иномарками. А почему он к ним попал, по какой причине, от кого прятался – это Ирину Семеновну никогда не интересовало. Достаточно было того, что за лишние хлопоты и, видимо, молчание, она получала от Бабановича весьма значимую для нее доплату «в конверте»... И все-таки Ирина Семеновна догадывалась, понимала, над какой пропастью ходит Михаил Борисович в таких случаях, и как легко ему свалиться в эту самую пропасть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.